РОССІЯ
И
КИТАЙ.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ф. Ф. МАРТЕНСА

Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и Члена Института международнаго права.

СЪ ИЗМѢНЕНІЯМИ И ДОПОЛНЕНІЯМИ АВТОРА

ПЕРЕВЕЛЪ

Владиміръ Телесницкій.

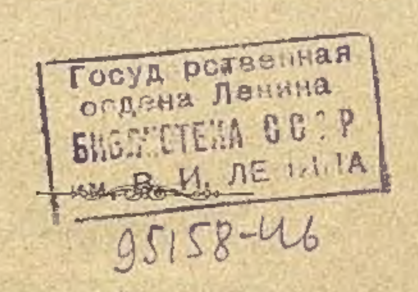
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Складъ «Россійской Библіографіи».
ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ, Книгопродавецъ-Издатель.
Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста.
1881.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

„О правѣ частной собственности во время войны". 1869 г.
„О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ". 1873 г.
„Das Consularwesen und die Consularjurisdiction im Orient". Berlin 1874.
„Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, составилъ по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ". 1874—1878, (на русскомъ и французскомъ языкахъ съ историческими комментаріями). Издано 4 тома. содержащіе трактаты: съ Австріею; т. I, 1648—1762 г.; т. II, 1772—1808 г.; т. III, 1808—1815 г.; т. IV, часть I, 1815—1849 г.; т. IV, часть II, 1849—1878 г. („Recuel des Traités et Conventions conculs par la Russie avec les Puissances étrangères, publié d'ordre du Ministère des Affaires Etrangères".
„Etude historique sur la politique russe dans la question d' Orient". Gand 1877.
„Die russische Politik in der orientalischen Frage". Eine historische Skizze. St.-Petersburg 1877.
Восточная война и Брюссельская конференція. 1874—1878. Спб. 1879. Ц. 3 р.
La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale. Gand 1879 (распродано)
Russland und England in Central-Asien. St.-Petersburg 1880. Ц. 75 к.
Россія и Англія въ Средней Азіи. Съ измѣн. и дополн. автора перевелъ Баронъ *К. Ф. Таубе.* 91 стр. 8. Спб. 1880. 75 к., съ пер. 90 к.
Le conflit entre la Russie et la Chine ses origines, son développement et sa portée universelle. Étude politique. Bruxelles. 1880. Ц. 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Января 1881 г.

Типографія И. Габермана, Малая Мѣщанская, № 7.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпринявъ издать въ свѣтъ переводъ послѣдней политической брошюры профессора Ф. Мартенса, мы, кромѣ желанія самого автора, руководствовались и тѣмъ соображеніемъ, что вопросъ о настоящемъ столкновеніи между Россіей и Китаемъ представляетъ особенный интересъ для русскихъ читателей.

Наше народное хозяйство, промышленность и финансы разстроены, вслѣдствіе послѣдней войны. Почти повсемѣстный неурожай, сопровождаемый мѣстными голодовками, страшной дороговизной предметовъ первой необходимости и эпидемическими болѣзнями еще болѣе усиливаютъ настоящій кризисъ. Страна, еще неуспѣвшая оправиться отъ войны съ Турціей и отъ напряженія своихъ силъ, въ виду противодѣйствія зависти и недоброжелательству остальныхъ государствъ Европы,—страна наша жаждетъ полнаго внутренняго и внѣшняго мира. Только такой миръ въ состояніи залечить раны Россіи и дать ей возможность снова вступить на благотворный путь реформъ, ознаменовавшихъ собою начало настоящаго царствованія. И вдругъ дѣла на крайнемъ востокѣ усложняются, снаряжается цѣлая эскадра въ Тихій океанъ, появляется грозный призракъ войны съ Китаемъ!

Русское общество заволновалось. Началось обсужденіе печатью *Кульджинскаго вопроса,* при чемъ вполнѣ выяснилось малое знакомство публики и печати съ ис-

тинными причинами, вызвавшими столкновеніе, съ исторіей отношеній Россіи къ Небесной имперіи и съ возможными послѣдствіями предвидимой войны.

Этотъ пробѣлъ легко восполняется чтеніемъ предлагаемаго сочиненія профессора Ф. Мартенса. Воспользовавшись трудами нашихъ синологовъ и знатоковъ востока, какъ то: Тимковскаго, Васильева, Захарова, отцовъ Палладія, Іакинѳа и другихъ, сочиненіями русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ и миссіонеровъ и оффиціальными данными, доставленными многими дипломатами, уважаемый профессоръ въ сжатомъ, но полномъ очеркѣ представляетъ исторію сношеній нашего отечества и другихъ западныхъ государствъ съ Китаемъ и объясняетъ причины настоящаго столкновенія.

„Эта работа профессора, пишетъ доцентъ Харьковскаго Университета В. Даневскій, читается съ величайшимъ интересомъ, который увеличивается еще болѣе, а книжка становится весьма поучительной благодаря *вѣрности исходной точки зрѣнія* автора и *рѣзкому объективизму изслѣдованія*".

Мы считаемъ излишнимъ долѣе останавливаться на достоинствахъ предлагаемой брошюры. Въ пользу ея говоритъ громкое имя автора и тотъ успѣхъ, которымъ ознаменовалось появленіе этого сочиненія на западѣ. Будучи первоначально напечатано въ подлинникѣ въ V-й и VI-й книжкахъ 1880 г. издаваемаго въ Гэнтѣ журнала „Revue de droit international et de législation comparée", оно уже переведено на англійскій языкъ и въ настоящее время изготовляется нѣмецкій его переводъ.

В. Телесницкій.

С.-Петербургъ.

1-го Января 1881 года.

Столкновеніе между Россіей и Китаемъ, его начало, развитіе и всемірное значеніе.

Suum cuique.

Столкновеніе, происшедшее между Россіей и Китаемъ, вслѣдствіе отказа китайскаго правительства въ ратификаціи трактата, заключеннаго въ Ливадіи въ октябрѣ 1879 года, приняло такіе размѣры, что всеобщій пожаръ на крайнемъ Востокѣ представляется возможной случайностью. Не ошибаясь, можно сказать, что это столкновеніе не ограничится непосредственными интересами двухъ названныхъ державъ. Образъ дѣйствій пекинскаго правительства въ кульджинскомъ вопросѣ, рѣшительный отказъ ратификовать трактатъ, заключенный его чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ, судьба несчастнаго посла Чунхоу, приготовленія къ войнѣ, дѣлаемыя Китаемъ, — всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ о сильномъ возбужденіи, готовомъ разразиться страшной войной.

Военная партія, принудившая пекинское правительство отказать въ ратификаціи трактата, подписаннаго въ Ливадіи, очевидно воспользовалось глухимъ, но глубокимъ волненіемъ, уже издавна охватившимъ населеніе Китая и направленнымъ противъ иностранцевъ и всѣхъ европейскихъ націй, когда-либо заключавшихъ международные трактаты съ Китаемъ. Ученые и мандарины низшихъ чиновъ поклялись въ вѣчной ненависти ко всѣмъ „заморскимъ дьяволамъ“. Ливадскій трактатъ былъ для нихъ каплей воды, переполнившей черезъ край чашу несправедливостей, жертвою которыхъ былъ Китай. Горючіе ма-

теріалы накопились во всѣхъ тѣхъ провинціяхъ, куда были допущены европейцы и гдѣ они могли предпринять эксплуатацію страны; искры будетъ достаточно, чтобы вызвать взрывъ. Извѣстія, доходящія до насъ изъ Срединной имперіи, мнѣнія компетентныхъ лицъ, знакомыхъ на собственномъ опытѣ съ современнымъ положеніемъ вещей въ Китаѣ, способъ дѣйствія партіи, нынѣ находящейся у кормила правленія въ Пекинѣ— все даетъ намъ право думать, что нынѣшнее столкновеніе между Россіей и Китаемъ имѣетъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ это кажется на первый взглядъ.

До послѣдняго времени наше правительство пользовалось въ Китаѣ несомнѣннымъ вліяніемъ. Съ самаго начала сношеній Россіи съ Китаемъ, китайцы имѣли къ ней довѣріе; они всегда строго отличали русскихъ отъ подданныхъ другихъ европейскихъ государствъ, которыхъ они называютъ иностранцами и даже „заморскими дьяволами“.

Непосредственное сосѣдство, уваженіе, которое русскіе постоянно оказывали обычаямъ и привычкамъ китайцевъ, явное желаніе русскаго правительства поддерживать съ Китаемъ дружественныя и миролюбивыя отношенія создали для Россіи исключительное положеніе въ ея сношеніяхъ съ Срединной имперіей. Развѣ не старались даже доказать, что существуетъ сродство расъ между русскими и китайцами, и что та же кровь течетъ въ ихъ жилахъ (sic)! Теперь представляется опасность, что эта двухвѣковая дружба прекратится вслѣдствіе ливадскаго трактата. Китайское правительство отказывается утвердить трактатъ, заключенный при условіяхъ, которыя должны были подтвердить самымъ неопровержимымъ образомъ его юридическое значеніе. Какъ объяснить себѣ такого рода дѣйствія? Почему Китай рѣшается затѣвать ссору именно съ той изъ европейскихъ державъ, съ которой онъ поддерживалъ въ продолженіи вѣковъ коммерческія и миролюбивыя отношенія? Почему его правительство становится въ отношенія рѣшительно враждебныя именно къ Россіи, которая не оставила въ Китаѣ ни развалинъ, ни тяжелыхъ воспоминаній и которая никогда не вызывала противъ себя со стороны китайскаго народа взрывовъ вражды и ненависти? Гдѣ нужно искать причину столь внезапной перемѣны

фронта, совершонной съ дѣйствительно поразительной энергіей правительствомъ богдыхана?

Прежде всего очевидно, что нельзя отвѣтить на эти вопросы, имѣя въ виду одинъ лишь трактатъ, касающійся Илійскаго края. Это становится тѣмъ очевиднѣе, если принять въ соображеніе, что до послѣдняго времени отношенія между двумя государствами не переставали быть самыми дружественными, и въ особенности если вспомнить, что Россія, признавая за пекинскимъ правительствомъ право не давать своего утвержденія заключенному трактату, никогда не думало даже отказываться вступить въ новые дипломатическіе переговоры по вопросамъ, разрѣшеннымъ въ Ливадіи.

Несмотря на столь миролюбивое отношеніе Россіи, несмотря на несомнѣнность факта, что Китай не въ состояніи достичь какого бы то ни было рѣшительнаго успѣха какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, въ случаѣ войны съ Россіей, несмотря на критическое положеніе господствующей расы въ Китаѣ и даже самой царствующей династіи, кажется, что китайское правительство желаетъ войны. Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ объ остромъ кризисѣ во всей совокупности отношеній между Китаемъ, съ одной стороны, и всѣми европейскими или цивилизованными державами, съ другой.

Ударъ, наносимый Китаемъ Россіи, направленъ противъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, которыя силою оружія принудили китайское правительство открыть иностранцамъ двери во внутрь страны. Еслибы Китаю удалось побѣдить Россію и предписать ей условія мира, очевидно, что въ такомъ случаѣ гордость китайской націи и ея ненависть къ иностранцамъ не знали бы болѣе границъ. Изгнаніе изъ Китая всѣхъ „заморскихъ дьяволовъ“ было бы роковымъ послѣдствіемъ такого переворота. Въ этомъ заключается чрезвычайная опасность, опасность „всеобщая“ и „непосредственная“ современнаго столкновенія между Россіей и Китаемъ. Къ этому нужно прибавить убытки, которые причинила бы русско-китайская война торговлѣ Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ Америки и другихъ государствъ. Никто, конечно, не станетъ оспоривать права у Россіи, какъ у воюющей страны, блокировать китайскіе

порты и прекратить торговлю, въ которой одна Англія заинтересована на сумму въ 45 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно. Это право столь же неоспоримо, какъ и право китайскаго флота отрѣзать доступъ къ русскимъ портамъ въ моряхъ Балтійскомъ и Черномъ. Во всякомъ случаѣ, принудительныя мѣры, принятыя Россіей противъ Китая, съ какою бы осторожностью ихъ не примѣняли, будутъ по необходимости очень чувствительны для интересовъ коммерческихъ странъ; нельзя себѣ представить, чтобы подобная война не подвергла опасности тѣхъ громадныхъ капиталовъ, которые ввозятся цивилизованными народами въ Срединную имперію.

Съ этой именно точки зрѣнія мы предполагаемъ изучить сношенія между Россіей и Китаемъ.

Сдѣлавъ историческій обзоръ этихъ сношеній, мы разсмотримъ положеніе вещей, существовавшее во время заключенія Ливадскаго трактата. Мы бросимъ также взглядъ на сношенія Китая съ другими цивилизованными націями, кромѣ Россіи. Нѣсколько подробностей касательно трактата, подписаннаго въ Ливадіи, дадутъ намъ возможность безпристрастно обсудить политическую сторону настоящаго столкновенія *).

---

*) Въ ряду источниковъ, которыми мы пользовались, занимаютъ первое мѣсто очень интересныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, сообщенныя намъ многими лицами разныхъ европейскихъ странъ; высокое положеніе, которое занимали эти лица въ Китаѣ, гдѣ они провели много лѣтъ въ качествѣ дипломатовъ и консуловъ, позволило имъ узнать страну, ея общее внутреннее положеніе и дать себѣ отчетъ въ стремленіяхъ народа и правительства. Пользуемся случаемъ, чтобы снова выразить имъ здѣсь чувства нашей искренней признательности.

Намъ служили пособіемъ также слѣдующія сочиненія: *Тимковскій.* Историческій обзоръ сношеній между Россіей и Китаемъ по оффиціальнымъ документамъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Dudgeon. Historical sketch of the ecclesiastical, political and commercial relations of Russia with China Pekin. 1872. — *Williams.* The Middle Kingdom. Edition of 1861.

Letters and Journals of James eight Earl of *Elgin*, edited by *Walrond.* London. 1872.

Medhurst. The Foreigner in Far Cathay. London. 1872.

Венюковъ. Очерки современнаго Китая. 1877. *Того же.* Путешествіе по пограничнымъ странамъ Азіятской Россіи. 1868 г.

Скачковъ. Очерки Китая. Москва. 1875 г.

I.

Каждый китаецъ знаетъ наизусть книгу „Мэн-Си", современника Аристотеля и одного изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Конфуція, который въ формѣ діалоговъ излагаетъ всю китайскую мудрость по вопросамъ соціальной и политической жизни. „Какую главнѣйшую выгоду можно извлечь отъ правительства страны", читаемъ мы въ этой книгѣ. Вотъ отвѣтъ знаменитаго философа: „я не буду говорить о пустой и матеріальной пользѣ, къ которой стремятся торгаши. Но для тебя главнѣйшей выгодой должна быть любовь къ ближнимъ и справедливость по отношенію къ нимъ". Эти слова китайскаго философа преисполнены мудрости. Однако, это изрѣченіе почти никогда не является руководящимъ принципомъ въ международныхъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, часто „стремленія торгашей" оказываютъ подавляющее вліяніе на политику правительствъ, и несомнѣнно, это вліяніе чувствуется съ наибольшей силою въ особенности въ сношеніяхъ цивилизованныхъ націй съ Китаемъ, Японіей и другими полуварварскими народами. Мы, конечно, не имѣемъ намѣренія умалить цивилизаторскую роль, которую торговля всегда играла въ международныхъ отношеніяхъ; мы далеки отъ мысли не признавать великихъ заслугъ, оказанныхъ коммерческими классами дѣлу распространенія цивилизаціи, благодаря ихъ энергіи, дѣятельности и любви къ наживѣ. Никогда, однако, политика страны не должна служить „стремленіямъ торгашей"; никогда правительство не должно было бы вдохновляться исключительно интересами купцовъ. Невозможно допустить, чтобы индивидуальные интересы руководили политикой націи, чтобы политическіе интересы страны были подчинены личнымъ стремленіямъ какого бы то ни было класса общества.

Эти до пошлости избитыя истины, къ сожалѣнію, часто забываются. По мѣрѣ того, какъ развивалась европейская торговля съ Китаемъ, коммерческіе интересы постоянно стремятся

Пясецкій. Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 годахъ. С.-Петербургъ. 1880 г.
Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ. С.-Петербургъ. 1879 г.
Baron Huebner. Promenade autour du monde (1871). Paris. 1877; T. II.

всевозможными способами овладѣть политикой европейскихъ правительствъ. Чѣмъ болѣе китайскій народъ дѣлалъ уступокъ требованіямъ подданныхъ цивилизованныхъ націй, тѣмъ нахальнѣе эти послѣдніе считали себя въ правѣ попирать ногами неотъемлемыя права китайцевъ на независимость и неприкосновенность ихъ обычаевъ и національныхъ стремленій. Отожествляя свои индивидуальные интересы съ внѣшними интересами своихъ странъ, коммерсанты не переставали проповѣдывать необходимость „твердой и энергической" политики. Эта „твердая и энергическая" политика должна разрушить въ концѣ концовъ все зданіе китайскаго государства, окончательно уничтоживъ независимость правительства богдыхана во внутреннемъ управленіи его страны. Благодаря Бога до сихъ поръ ни одно изъ правительствъ Европы и Америки не согласилось отказаться вполнѣ отъ независимаго направленія своей внѣшней политики. Ни чувство собственнаго достоинства, ни обязанности по отношенію къ публичнымъ интересамъ не позволили ни одному изъ нихъ вступить на задуманный путь и систематически преслѣдовать по отношенію къ Китаю политику угрозы и войны. Однако, не всѣ христіанскія правительства съумѣли одинаково отстранить отъ своей политики пагубное вліяніе индивидуальныхъ или частныхъ интересовъ. Этимъ объясняется, почему Сентъ-Джемскій кабинетъ, несмотря на свое искреннее желаніе сохранить независимость своей политики и избѣгнуть опасности неожиданныхъ усложненій, значеніе которыхъ трудно опредѣлить заранѣе, не былъ всегда въ состояніи сопротивляться рѣшительнымъ требованіямъ англійскихъ резидентовъ въ Китаѣ и ихъ сторонниковъ въ Англіи. Торговля опіумомъ, навязанная китайцамъ къ ихъ матеріальной и интеллектуальной погибели, остается до сихъ поръ подъ спеціальной охраной Англіи. Съ другой стороны, пропаганда католицизма, согласіе на которую было вынуждено у китайцевъ силою оружія, имѣетъ практическимъ послѣдствіемъ подрывъ современнаго положенія вещей и униженіе верховной власти правительства богдыхана въ глазахъ его собственныхъ подданныхъ.

Если прослѣдить историческое развитіе международныхъ

отношеній между Россіей и Китаемъ, нельзя не проникнуться убѣжденіемъ, что политика нашего правительства никогда не подчинялась спеціальнымъ интересамъ торговли. Никогда русская политика не вдохновлялась „стремленіями торгашей“, никогда она не хотѣла приносить въ жертву внѣшніе интересы націи. Россія не преслѣдовала по отношенію къ Китаю ни цѣлей, которыя должны были бы деморализовать или уничтожить его жизненныя силы, ни стремленія, послѣдствіемъ которыхъ было бы навязать китайцамъ блага христіанской религіи въ ущербъ ихъ національному суверенитету и ихъ будущности.

Единственною цѣлью нашей политики въ Китаѣ было развитіе коммерческихъ и дружественныхъ отношеній, подъ условіемъ взаимнаго сохраненія національной независимости въ сферѣ внутренней администраціи и внѣшнихъ сношеній. Это докажетъ историческій очеркъ сношеній между двумя государствами.

По свидѣтельству русскихъ историковъ, первыя сношенія Россіи съ Китаемъ относятся къ XVI вѣку. Въ 1567 г. царь Іоаннъ Грозный послалъ двухъ казацкихъ атамановъ Петрова и Бурнаша Ялышева изслѣдовать страну по ту сторону Байкальскаго озера. Безстрашные путешественники донесли царю, что они пересѣкли Монголію и Заснбирскія страны, что они были даже въ Пекинѣ, но что китайскій императоръ не соблаговолилъ принять ихъ въ аудіенціи, потому что они не могли поднести ему подарковъ. Это послѣднее обстоятельство очень характеристично. Оно показываетъ, что китайскій императоръ видѣлъ въ казакахъ — посланныхъ подвластнаго народа, обязаннаго ему данью. Дѣйствительно, еще въ наши дни китайскія сочиненія по географіи упоминаютъ о Россіи, какъ о государствѣ вассальномъ богдыхану, несмотря на то, что китайское правительство уже давно имѣло достаточно данныхъ, опровергающихъ подобное мнѣніе.

Въ дипломатическихъ переговорахъ съ Россіей Китай не думалъ отказываться отъ своего взгляда, и мандарины считали своей обязанностью поддерживать такое убѣжденіе въ своихъ государяхъ.

Покоривъ Сибирь, московское правительство пыталось нѣсколько разъ войти въ непосредственныя сношенія съ Китаемъ, и въ началѣ XVII столѣтія туда проникло нѣсколько отважныхъ путешественниковъ. Впрочемъ, только съ 1644 г. владѣнія наши коснулись китайскихъ границъ. Къ этому времени на берегахъ Амура поселился Михаилъ Поярковъ со своими товарищами по оружію. Въ 1647 г. казацкому атаману Хабарову было поручено основать колонію на берегахъ этой рѣки и изслѣдовать ее до устья. Хабаровъ успѣшно выполнилъ свою трудную задачу, основалъ русскую колонію въ Албазинѣ, на лѣвомъ берегу Амура, и изслѣдовалъ рѣку до моря. Его восторженные отзывы о странѣ и богатая добыча, которую онъ вывезъ оттуда, произвели свое дѣйствіе. Казаки и разнаго рода искатели приключеній, жадные до наживы, устраивали экспедиціи, а Албазинъ сдѣлался своего рода Эльдорадо для русскаго населенія Сибири. Ни тунгузы, которымъ принадлежалъ Албазинъ, ни китайцы, объявившіе себя господами Амура и всей страны, омываемой этой рѣкой, не были въ состояніи остановить казаковъ и русскихъ охотниковъ. Но въ 1667 году большая китайская армія появилась передъ Албазиномъ и потребовала его сдачи. Впродолженіи двухъ лѣтъ, осаждающая армія не могла завладѣть этой крѣпостцей, защищаемой гарнизономъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которыхъ только голодъ могъ заставить сдаться. Крѣпостца была разрушена.

Богатство страны вызвало новыя экспедиціи со стороны сибиряковъ и въ 1670 г. крѣпостца Албазинъ была возстановлена Черниговскимъ и его казаками.

Вѣсть объ этомъ увеличила выселеніе на берега Амура, несмотря на сопротивленіе манчьжурскаго населенія. Однако, владычество русскихъ въ Албазинѣ и на этотъ разъ было недолговѣчно. Въ 1685 г. новая китайская армія стояла передъ крѣпостью. Нашъ гарнизонъ состоялъ изъ 450 человѣкъ съ тремя пушками и тремя стами ружьями подъ предводительствомъ храбраго Толбузина. Китайская армія была силою въ 15 т. человѣкъ съ 50 ружьями и 100 пушками. Сперва китайцы были отброшены и разбиты храбрымъ гарнизономъ, но послѣдній скоро убѣдился въ невозможности держаться до конца.

Поэтому онъ сдался на капитуляцію, подъ условіемъ свободнаго отступленія къ Нерчинску. Условіе было принято, но 25 русскихъ должны были отдаться непріятелю, въ качествѣ военноплѣнныхъ, и были отправлены въ Пекинъ. Между ними находился священникъ Леонтьевъ. Они положили основаніе русской колоніи албазинцевъ и духовной русской миссіи, о которыхъ намъ еще не разъ придется упомянуть.

Исторія Албазина не завершилась, однако, его разрушеніемъ въ 1685 г. Въ томъ же году Толбузинъ, при помощи сосланнаго въ Сибирь нѣмца Бейтена, снова выстроилъ крѣпостцу, а уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1686 восьмитысячная армія съ 40 пушками, поддержанная флотиліей, возобновила осаду. Непріязненныя дѣйствія продолжались до мая 1687 г. Толбузинъ былъ убитъ; Бейтенъ, принявшій послѣ него начальство, защищалъ Албазинъ впродолженіи двухъ лѣтъ отъ всѣхъ нападеній китайцевъ. Наконецъ, зимою 1688 Бейтенъ и его храбрые товарищи добровольно покинули крѣпость *).

Исторія Албазина (китайцы зовутъ его Якса) достойна вниманія по многимъ причинамъ. Она доказываетъ спорность претензій китайцевъ, согласно которымъ рѣку Амуръ и всю омываемую ею мѣстность слѣдуетъ признавать китайской территоріей. Настоящими владѣтелями этой страны были туземцы-тунгузы, китайское же владычество было скорѣе простымъ предположеніемъ, чѣмъ дѣйствительностью. Албазинъ былъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ рукахъ Москвы, и подданные московскаго царя свободно плавали по Амуру. Къ сожалѣнію, русскія власти Сибири были въ XVII столѣтіи далеко не въ состояніи защищать владѣнія, столь отдаленныя отъ Иркутска. Московское правительство не могло одобрять неистовствъ и разбойничьихъ дѣйствій казаковъ и русскихъ поселенцевъ, которые дѣлали частые и кровавые набѣги на китайскую территорію. Съ своей стороны, пекинское правительство должно было убѣдиться, что до тѣхъ поръ, пока Албазинъ будетъ въ рукахъ русскихъ, спокойствіе на его границахъ невозможно. Несмотря

---

*) *Andrée*, das Amurgebiet und seine Bedeutung, 1867. *Романовъ*, городъ Албазинъ, 1867. Сравни *Dudgeon* стр. 6.

ни на какія жалобы китайскихъ властей, правительство московскаго царя не желало положить конецъ такому порядку вещей; тогда то китайскимъ войскамъ было приказано овладѣть Албазиномъ. Такого рода предпріятіе было въ глазахъ пекинскаго правительства тѣмъ законнѣе, что оно присвоивало себѣ права верховной власти надъ всѣмъ теченіемъ рѣки Амура. Что касается московскаго правительства, то оно не было въ состояніи, при разстояніи, отдѣлявшемъ его отъ Албазина, ни удержать этой крѣпости въ своей власти, ни прекратить разбойничьихъ набѣговъ казаковъ. Вотъ почему московское правительство не сопротивлялось китайцамъ, пожертвовало Амуромъ и предоставило защитниковъ Албазина ихъ собственной участи.

Неизлишне обратить еще вниманіе на слѣдующее обстоятельство, объясняющее въ значительной степени столкновенія, вызванныя желаніемъ пекинскаго правительства захватить городъ Албазинъ. Эти столкновенія приняли наиболѣе острый характеръ съ начала второй половины XVII вѣка, т. е. послѣ 1644 года, когда національная китайская династія Минская должна была уступить престолъ богдыхана династіи Манчьжурской, по сіе время царствующей въ Срединной имперіи. Понятно, что императоры изъ манчьжуровъ должны были относиться съ особенною привязанностью къ своей родинѣ—Манчьжуріи, и, слѣдовательно, съ особенною энергіею противодѣйствовать наступательному движенію русскихъ въ Манчьжуріи.

Исторія Албазина и отважныя экспедиціи казаковъ и русскихъ охотниковъ на китайской территоріи укрѣпляли, съ другой стороны, въ московскомъ правительствѣ убѣжденіе, что торговля съ Китаемъ представила бы для Россіи громадныя выгоды. Чтобы поддерживать коммерческія и дружественныя сношенія съ этой страной, нужно было по отношенію къ ея правительству выказывать предупредительность, избѣгать недоразумѣній, льстить его самолюбію и уважать его обычаи и стремленія. Московское правительство поняло это, и чтобы достичь своей цѣли, не отступало даже иногда передъ пожертвованіемъ самыхъ неоспоримыхъ своихъ правъ. Эти соображенія необходимы для того, кто желалъ бы отдать себѣ вѣрный отчетъ въ дипломатическихъ переговорахъ, происходившихъ

между обѣими націями. Первая наша дипломатическая миссія въ Китай относится къ 1653 г. Послѣ путешествія, полнаго невообразимыхъ трудностей, посланникъ Байковъ пріѣхалъ въ Пекинъ. Мандарины потребовали, чтобы онъ исполнилъ „ков-тов", т. е. чтобы онъ 9 разъ простерся передъ богдыханомъ и прикоснулся лбомъ до земли; при этомъ условіи они изъявили готовность испросить торжественную аудіенцію для русскаго посланника. Байковъ согласился. Онъ былъ принятъ богдыханомъ, которому передалъ подарки царя. Не безполезно будетъ прибавить, что по китайскимъ понятіямъ „ков-тов" и принесеніе посланникомъ подарковъ свидѣтельствуютъ, что государь посланника признаетъ себя вассаломъ китайскаго императора *). Мы увидимъ впослѣдствіи, что „ков-тов" служило не разъ камнемъ преткновенія въ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ.

Несмотря на уступчивость Байкова, его миссія совершенно не достигла своей цѣли. Онъ не добился никакихъ уступокъ по отношенію къ торговлѣ и мандарины наотрѣзъ отказались внимать его просьбамъ. Такимъ образомъ онъ убѣдился, что уступчивость и поблажка, которую онъ далъ неумѣстнымъ требованіямъ китайцевъ, прибавило имъ только спѣси и унизило его самого въ ихъ глазахъ.

Желаніе московскаго правительства дать болѣе твердое основаніе коммерческимъ сношеніямъ, равно какъ и затрудненія, бывшія послѣдствіемъ нападеній казаковъ, побудили его отправлять новыя миссіи въ Пекинъ. Ихъ было двѣ, въ 1658 и 1672 гг. Послѣдняя, во главѣ которой стояли Миловановъ и Кобяковъ, была принята съ почетомъ, и оба посланника возвратились на родину съ богатыми подарками царю отъ знаменитаго китайскаго императора Кан-Си, который занималъ тогда тронъ „сына неба". „Цунь-ли-ямень" (китайское министерство) передало посланникамъ ноту, въ которой оно требовало выдачи князя тун-

*) Когда въ 1793 г. посланникъ Великобританіи, лордъ Мэкэртней, отправлялся на своей джонкѣ по Пейхо въ Пекинъ, мандарины подняли на его суднѣ флагъ со слѣдующею надписью по-китайски: «Посланникъ, ѣдущій съ данью отъ англійскаго народа».

гузовъ Гантимура, скрывавшагося на русской территоріи; но миссія потерпѣла неудачу въ торговомъ отношеніи.

Миссія Спафари, который занималъ въ посольскомъ приказѣ, въ Москвѣ, должность переводчика, не была счастливѣе. Спафари покинулъ Москву въ 1676 г.; его сопровождалъ іезуитъ Вербіестъ, въ качествѣ драгомана. Правительство царя спеціально разсчитывало на присутствіе въ миссіи Вербіеста, такъ какъ оно хорошо знало, какимъ уваженіемъ пользовались іезуиты при дворѣ императора Кан-Си. Однако, его присутствіе оказалось болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для русскаго посланника, который скоро замѣтилъ тѣсную дружбу между своимъ драгоманомъ и резидентомъ іезуитовъ при китайскомъ дворѣ. Между тѣмъ во все время своего пребыванія въ Пекинѣ, т. е. до ихъ изгнанія изъ Китая, въ началѣ XVIII столѣтія, Отцы общества Інсуса систематически противодѣйствовали усиліямъ нашего правительства войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ пекинскимъ дворомъ. Мандарины предложили Спафари слѣдующія три условія для установленія правильной торговли съ Россіей: 1) они настаивали снова на выдачѣ князя Гантимура; 2) они требовали, чтобы человѣкъ „болѣе разумный“, чѣмъ Спафари, былъ отправленъ посланникомъ въ Китай (они упрекали его въ заносчивости и высокомѣріи); 3) русскіе, поселившіеся въ Китаѣ, должны жить мирно и подчиняться законамъ страны. Эти условія не были приняты. Нашъ посолъ покинулъ столицу „сына неба“, не заключивъ трактата, но сохранивъ достоинство своего государя рѣшительнымъ отказомъ подчиниться „ков-тов'у“.

Дѣйствительно, Спафари остался непреклоннымъ въ этомъ отношеніи, несмотря на всѣ мольбы мандариновъ; такое поведеніе лишило его чести быть принятымъ въ аудіенціи императоромъ и послужило поводомъ къ жалобамъ „Цун-ли-ямена“ на его заносчивый и высокомѣрный характеръ.

Война китайцевъ на Амурѣ и враждебныя мѣры, принятыя пограничными китайскими властями, принудили московское правительство войти въ какое-нибудь соглашеніе со своимъ сосѣдомъ.

Въ 1686 г. царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился послать

въ Китай Ф. А. Головина, въ качествѣ посла и полномочнаго министра. Данныя ему инструкціи предписывали покончить прежде всего съ многочисленными и еще неразрѣшенными затрудненіями по поводу границы и настаивать на перенесеніи ея за Албазинъ. Въ случаѣ отказа на такую пограничную линію, Головинъ долженъ былъ заставить признать границей рѣку Амуръ. Послу было также поручено возбудить вопросъ объ обмѣнѣ военноплѣнныхъ, но онъ не могъ соглашаться на выдачу князя Гантимура. Наконецъ, Головинъ долженъ былъ предложить періодически обмѣниваться дипломатическими миссіями съ цѣлью упрочить дружественныя и коммерческія отношенія между обѣими странами и постараться выговорить для русскихъ подданныхъ и купцовъ право проѣзда по Китаю съ товарами.

Прибывъ въ Сибирь, Головинъ отправилъ посланца пекинскому правительству, чтобы объявить о своей миссіи и просить о присылкѣ китайскихъ уполномоченныхъ для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Императоръ Кан-Си принялъ эту вѣсть съ радостью и послалъ уполномоченныхъ на встрѣчу Головину. Они съѣхались въ Нерчинскѣ. Китайскіе послы явились въ сопровожденіи большаго войска, между тѣмъ какъ Головинъ имѣлъ въ своей свитѣ только нѣсколько сотъ солдатъ. Переговоры, касательно церемоніала, взяли почти столько же времени, какъ и вопросы политическіе. Головинъ защищалъ интересы своей страны очень ловко и энергично, но онъ былъ принужденъ уступить, убѣдившись, что его жизнь подвержена серьезной опасности. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1689 г. былъ подписанъ въ Нерчинскѣ первый международный трактатъ между Россіей и Китаемъ. Изучая этотъ актъ, нельзя не согласиться, что московскій посолъ проявилъ замѣчательный духъ миролюбія. Рѣка Амуръ и вся мѣстность, омываемая ею, были уступлены китайцамъ. Россія соглашалась на разрушеніе города Албазина и границей между обѣими странами была признана рѣка Горбица. Такимъ образомъ Россія потеряла на крайнемъ востокѣ богатую провинцію. Этой дипломатической побѣдой китайцы были обязаны двумъ отцамъ іезуитамъ — Жербильону и Перейрѣ, которые состояли при китайскомъ по-

сольствѣ; пріемы этихъ двухъ посредниковъ вполнѣ согласовались съ принципомъ: „Цѣль оправдываетъ средства“.

Обѣ договаривающіяся стороны разрѣшили въ нерчинскомъ трактатѣ важный вопросъ о выдачѣ „дезертировъ“, выраженіе, подъ которымъ они понимали всѣхъ подданныхъ, покидающихъ свою родину безъ позволенія правительства. Много китайцевъ спасалось на русской территоріи, гдѣ они пользовались большей личной и имущественной безопасностью; пекинское правительство смотрѣло на нихъ, какъ на бунтовщиковъ и настойчиво требовало ихъ выдачи.

По смыслу 4-й статьи трактата „дезертиры“, покинувшіе свою страну до подписанія этого акта, могли продолжать жить на старыхъ мѣстахъ; обоюдная ихъ выдача касалась только перебѣжчиковъ, которые покинули бы свою родину послѣ заключенія трактата. Большое значеніе имѣла 5-я статья. Она узаконяла за подданными обоихъ государствъ право путешествовать, покупать и продавать во владѣніяхъ китайцевъ и русскихъ, при условіи имѣнія паспорта. Замѣчательно, что эта статья по отношенію къ праву торговли не дѣлаетъ никакихъ ограниченій, какъ относительно мѣстъ, открытыхъ русскимъ, такъ и относительно качества товаровъ. Весь Китай былъ открытъ московскимъ купцамъ. Однако, фактически это неограниченное право торговли никогда не существовало, и коммерческія сношенія Россіи съ Китаемъ сложились при условіяхъ совершенно исключительныхъ, крайне ограничительныхъ и не выгодныхъ для русской торговли. Прибавимъ, что въ силу 6-й статьи того же трактата, въ случаѣ совершенія преступленій китайцами на русской территоріи или русскими въ Китаѣ, преступники должны были выдаваться чрезъ посредство пограничныхъ властей для суда по законамъ своей страны. Кромѣ того, прибавлялось, что преступленія, совершенныя лицами, никоимъ образомъ не могли привести къ враждебнымъ мѣрамъ или войнѣ. Въ случаѣ спора, назначались спеціальныя коммиссіи для прекращенія столкновеній. Московское правительство было очень довольно нерчинскимъ трактатомъ, хотя Россія теряла богатую Амурскую область. Въ Москвѣ надѣялись, что Китай будетъ открытъ для торговли, и что затрудненія,

вызванныя неопредѣленностью пограничной линіи, прекратятся. Къ сожалѣнію, событія доказали, что китайское правительство совершенно иначе истолковывало трактатъ, подписанный его уполномоченными. Новыя столкновенія поднялись изъ за границъ, и китайскія власти ставили всевозможныя преграды русской торговлѣ.

Въ 1692 г. юный царь Петръ I послалъ въ Пекинъ съ спеціальнымъ порученіемъ нѣмецкаго купца изъ Глюкштадта—Эберхардта Исбранда Идеса. Ему было приказано требовать исполненія нерчинскаго трактата, испросить у богдыхана позволенія выстроить русскую церковь въ Пекинѣ, предложить болѣе точное опредѣленіе границы и постараться разрѣшить вопросъ объ отношеніяхъ пекинскаго правительства къ монголамъ. Исбрандъ Идесъ покинулъ Москву въ мартѣ 1692 г. и пріѣхалъ въ ноябрѣ 1693 г. въ Пекинъ, гдѣ онъ пробылъ до февраля мѣсяца слѣдующаго года. Его миссія была вполнѣ неудачна; Идесъ рѣшительно ничего не достигъ; съ нимъ обходились довольно хорошо, онъ даже удостоился чести быть принятымъ „сыномъ неба", но богдыханъ отказался принять письмо царя, потому что его имя было поставлено послѣ титула русскаго государя.

Подарки тоже не были приняты, и даже ни одно изъ предложеній посланника не было выслушано мандаринами. Не лишнимъ будетъ прибавить, что на просьбу Идеса послать дипломатическую миссію въ Москву, китайское правительство отвѣтило отказомъ, подъ предлогомъ, что нравы и обычаи китайцевъ того не позволяютъ. Дѣйствительно, впослѣдствіи, китайское правительство посылало всегда чиновниковъ только до русской границы; никогда, кромѣ двухъ случаевъ, имъ не было позволено отправиться въ столицу Россійской Имперіи. Обыкновенно всѣ переговоры съ китайскими властями происходили черезъ посредство Тобольскаго губернатора.

Неудача миссіи Исбранда Идеса произвела тяжелое впечатлѣніе на Петра Великаго, который убѣдился въ томъ, какъ трудно поддерживать дружелюбныя отношенія съ „сыномъ неба". Впрочемъ, кажется, китайскій императоръ Кан-Си мало по малу измѣнилъ свой взглядъ и согласился показать болѣе

уступчивости своему могущественному сосѣду. Такимъ образомъ, съ начала XVIII столѣтія отношенія между обѣими странами прогрессивно развиваются, а положеніе, принятое китайскимъ правительствомъ, дѣлается болѣе согласнымъ съ обычаями европейской учтивости и съ условіями добраго сосѣдства.

Въ 1712 г. пріѣхалъ въ Россію монголъ Тулишенъ, посланный богдыханомъ съ специальной миссіей къ калмыкамъ, которые выселились изъ Китая и расположились на берегахъ Волги и къ сѣверу отъ Каспійскаго моря. На Тулишенѣ лежала обязанность убѣдить калмыцкаго хана Аюка напасть на дзунгаровъ, которые воевали съ китайцами. Сообразно съ своими инструкціями, Тулишенъ долженъ былъ принять предложеніе, съ которымъ могъ къ нему обратиться Цаганъ-ханъ, т. е. царь, посѣтить его дворъ, и ему было приказано подчиниться церемоніалу и обычаямъ русскаго двора. Однако, Петръ Великій не пригласилъ Тулишена въ Петербургъ, хотя и приказалъ властямъ областей, по которымъ проѣзжалъ китайскій посолъ, воздавать подобающія его сану почести. Тулишенъ возвратился въ Китай въ 1715 г. Въ его свитѣ находились члены первой русской духовной миссіи въ Пекинѣ. Вотъ ея начало.

Русскіе, взятые въ плѣнъ въ Албазинѣ, были привезены въ Пекинъ, гдѣ императоръ Кан-Си включилъ ихъ въ отрядъ своихъ тѣлохранителей. Императоръ предоставилъ имъ полнѣйшую свободу отправлять свое богослуженіе и не разъ выражалъ имъ свое довѣріе и уваженіе. Для богослуженія Албазинцы нуждались въ церкви и священникѣ; церковь была имъ выстроена на средства китайскаго правительства, но священникъ Леонтьевъ, который послѣдовалъ за ними въ Пекинъ, скоро умеръ. Защитники Албазина обратились тогда къ Кан-Си съ просьбою вызвать изъ Россіи православныхъ священниковъ. Эта просьба была благосклонно принята императоромъ, который передалъ ее Тобольскому губернатору.

Петръ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялся за составленіе духовной миссіи въ Китай, что комиссары, назначенные правительствомъ для защиты коммерческихъ интересовъ съ этой страной, передали ему тожественныя прошенія русскихъ купцовъ.

Первая духовная русская миссія, съ архимандритомъ Илла-

ріономъ во главѣ, встрѣтила очень радушный пріемъ со стороны Кан-Си, который далъ каждому изъ членовъ чинъ, жалованье и провизію въ натурѣ. Съ тѣхъ поръ миссія не переставала существовать въ Пекинѣ и ея члены періодически возобновляются по указу Святѣйшаго Сунода.

До 1857 г. она содержалась на средства китайскаго правительства, но мандарины не всегда выдавали ея членамъ все то, что имъ слѣдовало по законамъ и обычаямъ.

Кромѣ этого, другіе признаки показывали, что китайскій императоръ, дѣйствительно, желалъ поддерживать отношенія добраго сосѣдства съ Россіей. Нѣсколько спустя послѣ принятія духовной миссіи, онъ обратился къ Тобольскому губернатору съ просьбой прислать хорошаго медика. Англійскій докторъ Гарвингъ, находившійся на службѣ у русскаго правительства, выразилъ готовность совершить путешествіе въ Пекинъ. Русскій инженеръ Ланге, который игралъ впослѣдствіи выдающуюся роль въ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, сопровождалъ его. Кан-Си очень благосклонно принялъ обоихъ посланныхъ и поручилъ Ланге отвезти царю нѣсколько подарковъ.

Петръ I, замѣтивъ такую перемѣну въ настроеніи китайскаго правительства, рѣшилъ сдѣлать новыя попытки, съ цѣлью уладить болѣе выгоднымъ образомъ торговыя сношенія съ Китаемъ. Въ 1719 г. онъ послалъ капитана Измайлова со свитой въ 60 человѣкъ и 25 драгунъ. Секретаремъ этой дипломатической миссіи былъ Ланге. Инструкціи, данныя царемъ Измайлову, показываютъ какъ Петръ I заботился о развитіи торговыхъ сношеній съ Срединной Имперіей. Великій преобразователь Россіи понималъ огромное значеніе торговли съ Китаемъ и хотѣлъ благопріятствовать ей всѣми способами. Его посланникъ получилъ полномочіе заключить новый торговый трактатъ, такъ какъ Нерчинскій договоръ совсѣмъ не соблюдался китайцами. Наша торговля съ Китаемъ о ту пору находилась въ самомъ плачевномъ состояніи, въ особенности вслѣдствіе затрудненій и всяческихъ придирокъ, изобрѣтаемыхъ недоброжелательствомъ мандариновъ и китайскихъ чиновниковъ. Она производилась караванами, которые разъ въ два или три года отправлялись отъ русской границы въ Пекинъ черезъ

Калганъ. Въ этихъ караванахъ иногда насчитывалось до 1000 человѣкъ. По китайскимъ обычаямъ, русскіе купцы содержались во все время своего пребыванія на китайской территоріи на счетъ китайскаго правительства. По пріѣздѣ въ Пекинъ, они помѣщались въ домахъ, обнесенныхъ стѣной и предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе.

Они не имѣли права выходить въ городъ для продажи своихъ товаровъ, но должны были ожидать у себя китайскихъ покупателей.

Мандарины закрывали двери ихъ домовъ и принуждали русскихъ купцовъ уступать за ничтожную цѣну самые драгоцѣнные мѣха. Послѣ этого имъ позволялось продавать свои товары подъ тѣмъ, однако, условіемъ со стороны русскаго правительства, что, при продажѣ, казенные товары должны пользоваться правомъ первенства. Когда, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, всѣ товары были распроданы, русскихъ купцовъ ожидали новыя мытарства. Китайскіе должники не очень то любили выплачивать договоренную цѣну, а потому ни жалобы кредиторовъ, ни протесты русскаго торговаго коммисара, сопровождавшаго каждый караванъ для охраненія его интересовъ, обыкновенно не могли заставить китайскія власти удовлетворить справедливымъ требованіямъ купцовъ. Впрочемъ, нужно признаться, что эти послѣдніе, злоупотребляя дарованнымъ имъ гостепріимствомъ, сами очень часто подавали поводъ законнымъ жалобамъ китайцевъ. Нерчинскій трактатъ открылъ русскимъ доступъ въ китайскую имперію, и китайцы въ свою очередь получили право путешествовать въ Россіи. Это не помѣшало, однако, пекинскому правительству запретить своимъ подданнымъ переступать за русскую границу, хотя оно и позволяло русскимъ посѣщать Китай. Такое нарушеніе дипломатической конвенціи не было послѣднимъ. Китайскія власти сообщили Тобольскому губернатору приказъ богдыхана, по которому русскіе купцы лишались права посѣщать столицу: имъ предложили устроить на границѣ обмѣнъ русскихъ товаровъ на китайскіе.

Всѣ эти придирки дожны были неизбѣжно нанести пагубный ударъ русской торговлѣ. Капитанъ гвардіи Измайловъ былъ посланъ въ Пекинъ, чтобы положить конецъ такому пла-

чевному состоянію вещей и заключить новый трактатъ. Китайское правительство приняло его съ почетомъ, и Кан-Си допустилъ его къ себѣ въ торжественную аудіенцію: „Ничто на свѣтѣ, сказалъ „сынъ неба“ въ своей рѣчи къ Измайлову, не должно нарушить нашей дружбы съ Петромъ I. Дѣйствительно, у насъ нѣтъ причинъ для ссоры. Россійская имперія далека и холодна; еслибъ богдыханъ послалъ свои войска въ Россію, они всѣ замерзли бы отъ холода. Съ другой стороны, если бы русскій императоръ отправилъ свою армію войной на богдыхана, всѣ его люди погибли бы безцѣльно, отъ непривычки къ теплому климату. Даже если предположить, что одинъ изъ противниковъ одержитъ побѣду, какая будетъ ему отъ того польза, такъ какъ достаточно извѣстно, что за огромное количество земель принадлежитъ обоимъ императорамъ!“.

Нельзя не преклониться передъ той неопровержимой истиной, которой дышатъ слова самаго знаменитаго китайскаго императора. Пожелаемъ китайскому правительству всегда помнить, что война между Китаемъ и Россіей—безуміе, на которое оно одно способно и которое особенно опасно для Срединной Имперіи.

Несмотря на почетный пріемъ Кан-Си, Измайловъ не имѣлъ успѣха въ своихъ переговорахъ. Ему объявили, что заключеніе новаго трактата излишне, такъ какъ Нерчинскій трактатъ былъ заключенъ за немного лѣтъ передъ тѣмъ; такимъ образомъ русскій посланникъ долженъ былъ покинуть свое намѣреніе, въ виду несговорчивости китайскихъ чиновниковъ. Все чего онъ могъ добиться, было позволеніе выстроить въ Пекинѣ православную церковь и оставить въ этомъ городѣ русскаго агента (консула) для защиты торговыхъ интересовъ. Но онъ не могъ выговорить ни того, чтобы этотъ агентъ былъ на содержаніи у русскаго правительства, ни установленія такихъ же консульскихъ мѣстъ въ другихъ городахъ Китая. Отказъ въ этомъ послѣднемъ требованіи легко объясняется, если мы вспомнимъ о томъ страхѣ и ненависти, которые питаютъ китайцы ко всѣмъ иностранцамъ. Еще забавнѣе тѣ причины, которыя заставили китайское правительство взять русскаго агента въ Пекинѣ на свое содержаніе. Китайцы убѣждены, что иностранцы

могутъ пребывать въ Китаѣ лишь въ силу исключительной милости богдыхана. Этотъ послѣдній, позволяя имъ въѣзжать въ свою имперію, смотритъ на нихъ, какъ на своихъ гостей. Только этимъ объясняется, почему не только русскіе агенты, но и купцы содержались на счетъ китайской казны отъ границъ до Пекина и во все время обратнаго путешествія. По отношенію къ русскимъ это соображеніе имѣло тѣмъ большее значеніе, что пекинское правительство видѣло въ нихъ подданныхъ государя вассальнаго богдыхану.

Наконецъ, казалось болѣе естественнымъ, чтобы то правительство, которое платило жалованье чиновнику, имѣло бы до извѣстной степени также право контролировать его дѣйствія. Измайловъ уѣхалъ изъ Пекина въ 1721 году, оставивъ въ столицѣ Китая своего секретаря Ланге, въ качествѣ русскаго агента; императоръ Кан-Си наградилъ Ланге щедрой рукой. Но нашему агенту приходилось очень часто протестовать противъ нечестныхъ пріемовъ мандариновъ, которые не только удерживали назначенныя ему жалованье и провизію, но подинмали всевозможныя затрудненія. Мандарины не хотѣли даже позволить ему поправить на свой счетъ домъ, въ которомъ онъ жилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что домъ, принадлежащій китайскому императору, не можетъ быть поддержанъ на чужія деньги; домъ сдѣлался необитаемъ, и его стѣны развалились.

Всѣ гонцы, посылаемые Ланге къ его правительству, были задерживаемы китайскими властями. На всѣ его представленія, китайцы неизмѣнно отвѣчали, что таковы китайскіе обычаи, которыхъ ничто въ свѣтѣ не можетъ измѣнить и что, во всякомъ случаѣ, они удивляются наглости иностранцевъ, которые, не довольствуясь загроможденіемъ китайскаго рынка своими товарами, позволяютъ себѣ еще вмѣшиваться во внутреннія дѣла Китая.

Исторія пребыванія перваго русскаго агента въ Пекинѣ интересна во многихъ отношеніяхъ; она намъ показываетъ до очевидности, что богдыханъ, почитаемый „сыномъ неба“ и признаваемый всемогущимъ и самодержавнымъ, въ сущности не болѣе, какъ рабъ и орудіе въ рукахъ ученыхъ, мандариновъ и

царедворцевъ. Съ этой точки зрѣнія, положеніе вещей въ Китаѣ нисколько не улучшилось и по наше время.

Когда Ланге былъ въ Пекинѣ, тронъ „сына неба“ занималъ императоръ, замѣчательный своимъ геніемъ и смѣлостью своихъ плановъ. Въ настоящее время манчьжурская династія выродилась. Давнымъ давно она пережила ту славу и тѣ заслуги, которыя возвели ее на тронъ Китая. Не нужно забывать, что непрестанныя интриги іезуитовъ, также много способствовали тому, чтобы положеніе Ланге сдѣлалось невыносимымъ.

Нашъ агентъ покинулъ китайскую столицу въ 1722 году, проживъ въ ней 17 мѣсяцевъ. Семьсотъ монголовъ бросили свои очаги и переселились въ Россію. Китайское правительство энергично настаивало на выдачѣ своихъ бывшихъ подданныхъ, но такое требованіе было неисполнимо для русскаго правительства. Однако, это нисколько не помѣшало Ланге получить приказаніе покинуть китайскую территорію, и Кан-Си былъ настолько обиженъ отказомъ Петра Великаго, что началъ готовиться къ войнѣ. Кан-Си умеръ въ томъ же году, славно процарствовавъ полстолѣтія въ Китаѣ.

Такимъ образомъ Петру Великому, несмотря на всѣ его усилія, не удалось развить русской торговли съ Китаемъ. Въ концѣ своего царствованія онъ задумалъ организовать научную экспедицію, чтобы съ точностью опредѣлить границу на западъ отъ рѣки Аргуни. Война съ Персіей и преждевременная смерть Петра помѣшали исполненію этого замысла.

Къ тому времени отношенія между Россіей и Китаемъ были очень близки къ разрыву. Китайское правительство выразило, однако, въ 1724 г. намѣреніе назначить мандариновъ для переговоровъ. Такое рѣшеніе было принято вслѣдствіе извѣстія, дошедшаго въ Пекинъ, что многія монгольскія семейства возвратились въ Китай.

II.

Непосредственнымъ пріемникамъ Петра I выпала честь заключить съ Китаемъ трактатъ, который составилъ эпоху въ сношеніяхъ Россіи съ этой державой. Это былъ Кяхтинскій

трактатъ 1727 года. Императрица Екатерина I воспользовалась своимъ восшествіемъ на престолъ, чтобы послать чрезвычайное посольство съ порученіемъ объявить объ этомъ радостномъ событіи богдыхану. Дѣйствительной причиной посольства было уладить всѣ недоразумѣнія по вопросамъ о границѣ и торговлѣ и заключить новый трактатъ. Во главѣ этого посольства находился графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, который подписалъ въ 1727 г. трактатъ, легшій въ основаніе болѣе чѣмъ вѣковыхъ коммерческихъ и дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Исторія переговоровъ, окончившихся заключеніемъ трактата 1727 года, такъ хорошо характеризуетъ отношенія между Россіей и пекинскимъ правительствомъ, къ тому же она такъ мало извѣстна, что мы остановимся на ней нѣсколько подробнѣе.

Графъ Савва Владиславичъ выѣхалъ изъ Москвы въ 1725 году. Въ 1726 г. онъ пріѣхалъ въ Пекинъ и сейчасъ же предложилъ китайскому правительству начать переговоры для заключенія новаго трактата. Поднявши сперва всевозможныя возраженія противъ удобства и необходимости новаго договора, пекинское правительство рѣшилось, наконецъ, назначить уполномоченныхъ. Переговоры продолжались цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, и потребовалось много энергіи, ловкости и хладнокровія со стороны графа Рагузинскаго, чтобы привести дѣло къ окончанію.

Въ началѣ переговоровъ китайскій уполномоченный кончалъ обыкновенно свои рѣчи слѣдующимъ „ceterum censeo“: „отдайте намъ нашихъ дезертировъ; разрѣшите вопросъ о пограничной линіи, а потомъ мы займемся торговыми сношеніями“.

Нашъ посолъ не могъ взять на себя обязательства выдачи тѣхъ китайскихъ подданныхъ, которые толпами оставляли свою родину, чтобъ найти убѣжище и защиту на русской землѣ. Исполненіе такого требованія было бы фактически очень часто невозможно, такъ какъ китайскіе перебѣжчики были скорѣе готовы наложить на себя руки, чѣмъ быть выданными своимъ смертельнымъ врагамъ. Что касается вопроса о границахъ, то онъ вызвалъ очень горячіе споры. Китайскіе уполномоченные, по замѣчательной силѣ своего воображенія, полагали, что вся трана до города Тобольска включительно принадлежала Ки-

таю и настаивали, чтобы графъ подписалъ трактатъ, опредѣляющій границею рѣку Ангару.

Это требованіе было энергично отклонено представителемъ русскихъ интересовъ, который показалъ большое присутствіе духа и имѣлъ на столько смѣлости, чтобы продолжать переговоры.

Савва Владиславичъ и его многочисленная свита помѣщались вь одномъ и томъ же „кванѣ“ и содержались на счетъ богдыхана; при этомъ китайскія власти пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ихъ унизить и создавали на каждомъ шагу новыя затрудненія.

Но неослабная энергія русскаго посла вывела изъ терпѣнія даже китайскихъ министровъ, такъ что они грозили, если онъ не подчинится требованіямъ пекинскаго правительства, заморить его въ темницѣ голодомъ, какъ португальскаго посланника.

Графъ оставался непреклоннымъ. Представитель великой націи, державшійся съ такимъ достоинствомъ, не могъ не вселить къ себѣ уваженіе китайцевъ и заставилъ ихъ уступить во многихъ отношеніяхъ. Китайскіе министры настояли на исполненіи желанія богдыхана выстроить на его собственный счетъ въ Пекинѣ православную церковь для русскихъ купцовъ. Затрудненіе, касающееся титуловъ царя и богдыхана, было также устранено довольно счастливо. Китайскіе министры не желали допустить, чтобы титулъ русскаго государя предшествовалъ титулу „сына неба“; поэтому было рѣшено, что впредь всѣ оффиціальныя сношенія между обоими правительствами будутъ вестись не отъ имени государей, но прямо между „Ли-фан-юан'омъ“, со стороны Китая, и Сенатомъ и Тобольскимъ губернаторомъ, со стороны Россіи. Такимъ образомъ удалось обойти вопросъ о титулѣ, представлявшій въ глазахъ китайцевъ огромное значеніе. Прибавимъ, что этотъ пріемъ, допущенный въ началѣ прошлаго столѣтія, остался въ силѣ до послѣдняго времени во всѣхъ дипломатическихъ переговорахъ и всѣхъ оффиціальныхъ актахъ съ Китаемъ. Въ нихъ не упоминается ни единымъ словомъ ни о Всероссійскомъ императорѣ, ни о богдыханѣ.

Что касается самыхъ существенныхъ вопросовъ, переговоры между графомъ Рагузинскимъ и китайскими министрами совсѣмъ не подвигались. Китайское правительство не соглашалось допустить постояннаго русскаго агента въ Пекинъ и не позволяло нашимъ купцамъ переступать границу и пріѣзжать въ столицу. Наконецъ, переговоры въ этомъ городѣ были прекращены, и богдыханъ предложилъ окончить ихъ на границѣ.

Графъ Рагузинскій оставилъ Пекинъ и возвратился на русско-китайскую границу. Тамъ, на берегахъ незначительной рѣчки Буры, онъ возобновилъ переговоры съ тремя китайскими мандаринами, во главѣ которыхъ находился дядя богдыхана и въ числѣ которыхъ былъ монголъ Тулишенъ. Эти переговоры окончились заключеніемъ новаго трактата 20-го августа 1727 года. Въ этотъ промежутокъ времени первый уполномоченный былъ, по просьбѣ графа, вызванъ обратно въ Пекинъ; надъ нимъ нарядили судъ, который присудилъ его къ потерѣ чина, всѣхъ знаковъ отличія и къ конфискаціи всего имущества.

Въ силу трактата 1727 г. границей были признаны рѣка Кяхта, со стороны Россіи, и гора Орогойта, со стороны Китая. Мѣстность между рѣкою Кяхтой и горою Орогойтой была предназначена для торговли Россіи съ Китаемъ, подъ наблюденіемъ коммисаровъ обоихъ правительствъ. Договаривающіяся стороны оставили за собою право избрать въ этой мѣстности пунктъ, который былъ бы всегда центромъ обмѣна русскихъ товаровъ на китайскія произведенія. Уполномоченные обѣихъ договаривающихся сторонъ назначили специальныхъ коммисаровъ для болѣе точнаго опредѣленія черты разграниченія. 12-го и 27-го октября 1727 г. были подписаны два акта, опредѣляющіе эту черту. По этимъ двумъ актамъ Россія пріобрѣла почти все то, въ чемъ было отказано графу Рагузинскому. Два акта, опредѣляющіе пограничную линію, составляютъ дополненіе къ трактату, заключенному 20-го августа того же года.

Трактатъ 20-го августа служилъ лишь основаніемъ для предшествующихъ и болѣе точныхъ сдѣлокъ. Условія, заключающіяся въ немъ, касаются почти исключительно границъ между двумя государствами. На берегахъ Кяхты въ іюнѣ 1727 года графъ Рагузинскій и представители богдыхана подписали глав-

ный трактатъ, который былъ посланъ для ратификаціи его величества въ Пекинъ. Графъ тщетно ожидалъ ратификаціи впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Только 15-го ноября 1727 года окончательный трактатъ былъ переданъ ему съ подписью богдыхана. Каково же было его удивленіе, когда онъ убѣдился, что всѣ статьи проекта трактата, подписаннаго имъ, потерпѣли довольно значительныя измѣненія и что рѣка Удь, напримѣръ, была присуждена Китаю, противно состоявшемуся раньше соглашенію! Графъ тотчасъ же передалъ представителямъ пекинскаго правительства энергическій протестъ, но эти послѣдніе не осмѣлились принять его. Тогда графъ рѣшился передать его богдыхану черезъ своего секретаря Ланге, который по дѣламъ службы находился тогда въ Пекинѣ. Энергія графа Рагузинскаго снова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Китайское правительство послало въ Кяхту новый трактатъ, согласный, за исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктовъ, съ первоначальнымъ проектомъ. Договоръ о пограничной линіи былъ включенъ въ этотъ трактатъ. Обмѣнъ взаимныхъ ратификацій происходилъ 14 (или 28?) іюня 1728 года, въ Кяхтѣ.

Съ этого времени ведетъ свое начало кяхтинская торговля между Россіей и Китаемъ. Савва Владиславичъ предложилъ китайцамъ устроить на берегахъ Кяхты складъ русско-китайскихъ товаровъ. На другой день послѣ обмѣна ратификацій главнаго трактата графъ торжественно положилъ первый камень основанію города Кяхты. Онъ также издалъ уставъ для торговли съ Китаемъ. Наконецъ, онъ вошелъ въ соглашеніе съ уполномоченными богдыхана, по которому русскіе и китайскіе купцы, живущіе въ Ургѣ, должны были переселиться въ Кяхту, а живущіе въ Наунѣ въ Цурухайту.

Трактатъ 1727 года, извѣстный подъ именемъ кяхтинскаго, подвергся существеннымъ измѣненіямъ только около половины нынѣшняго столѣтія, въ 1851 г., вслѣдствіе заключенія Кульджинскаго трактата. Мы далѣе будемъ говорить о главнѣйшихъ его постановленіяхъ, излагая условія, при которыхъ развивалась торговля между Россіей и Китаемъ. Покуда достаточно упомянуть, что въ силу IV статьи кяхтинскаго трактата наши караваны могли посѣщать Пекинъ только одинъ разъ въ три

года, не заключать въ себѣ болѣе двухсотъ человѣкъ и совершать эти путешествія на свой счетъ. Статья V достойна особеннаго вниманія. Она узаконяетъ посылку въ Пекинъ трехъ русскихъ священниковъ (названныхъ „лама“), которымъ китайское правительство обязуется выдавать провизію, какъ это дѣлалось и для живущаго въ Пекинѣ священника. То же правительство обязуется этой статьей взять подъ свою охрану безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обрядовъ православной церкви. Въ концѣ статьи прибавлено, что графъ оставитъ въ Пекинѣ четырехъ мальчиковъ и двухъ молодыхъ людей, уже знающихъ языки русскій и латинскій для изученія мѣстныхъ нарѣчій. Ученики эти должны были помѣщаться въ Пекинѣ въ „кванѣ“, оставленномъ въ распоряженіи русскихъ, и учиться на счетъ китайскаго правительства. По указу богдыхана отъ 30-го августа 1729 г., были прикомандированы учители языковъ китайскаго и манчьжурскаго къ нашей духовной миссіи, на попеченіи у которой находились также и оставленные Рагузинскимъ ученики. Созданіе такой школы при духовной русской миссіи было вызвано самою силою вещей. Во время переговоровъ русскихъ съ китайцами употреблялся то китайскій, то манчьжурскій, то латинскій—языки. Трактаты точно также писались на этихъ трехъ языкахъ или на двухъ изъ нихъ.

Наше правительство сознавало необходимость имѣть ученыхъ и добросовѣстныхъ драгомановъ, тѣмъ болѣе, что сношенія съ Китаемъ продолжали развиваться. Съ другой стороны, китайское правительство страдало также недостаткомъ людей, знающихъ какой-нибудь европейскій языкъ, въ особенности со времени изгнанія іезуитовъ.

Графъ Рагузинскій уѣхалъ изъ Сибири немного спустя послѣ обмѣна ратификацій кяхтинскаго трактата. До своего отъѣзда онъ самъ снарядилъ караванъ съ товарами, принадлежавшими главнымъ образомъ казнѣ. Но предпріятіе это не удалось. Купцы китайской столицы не купили русскихъ товаровъ, боясь возбудить жадность мандариновъ. Дорогіе мѣха, привезенные съ караваномъ, испортились въ сырыхъ магазинахъ, предоставленныхъ въ распоряженіе русскаго коммисара. Этой

неудачей и горькимъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ отправкою нѣсколькихъ другихъ карановъ, воспользовался Ланге; онъ предложилъ нашему правительству содѣйствовать всѣми силами торговлѣ въ Кяхтѣ и лишь изрѣдка посылать караваны въ Пекинъ и то лишь съ товарами частныхъ лицъ. Его совѣтъ былъ принятъ. Въ 1731 году необычайное событіе надѣлало много шуму въ Россіи. Въ Москву пріѣхало китайское посольство. Спросятъ, какимъ образомъ китайское правительство рѣшилось разстаться со своими старыми обычаями и отправить посольство къ вассалу „сына неба"? Оно было вынуждено необходимостью заручиться союзомъ Россіи въ войнѣ противъ дзунгаровъ, предводительствуемыхъ страшнымъ Контайшею и его братомъ Галдан-Череномъ. Китайское посольство просило помощи у нашего правительства и обѣщало въ свою очередь покровительствовать всячески торговымъ сношеніямъ съ Россіей. Императрица Анна Іоанновна не хотѣла связывать себя никакимъ торжественнымъ обѣщаніемъ, но изъявила желаніе поддерживать съ Китаемъ дружественныя отношенія. Далѣе, она дозволила посольству отправиться изъ Москвы къ хану калмыковъ, чтобы также просить у него помощи противъ Контайши. Русскому делегату, сопровождавшему посольство, было поручено представить его хану и содѣйствовать ему въ успѣшномъ окончаніи дипломатической миссіи.

Посольство едва успѣло оставить Россію, какъ уже власти Сибири, возвѣстили о пріѣздѣ другого. Отправивъ первое изъ нихъ съ политической миссіей, китайскій императоръ Юнг-Чей, преемникъ Кан-Си, былъ извѣщенъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и счелъ необходимымъ послать другое посольство съ спеціальнымъ порученіемъ поздравить императрицу. Это послѣднее посольство подало поводъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ. Такъ, напримѣръ, китайскіе послы не хотѣли принять оффиціальныхъ актовъ, составленныхъ отъ имени коллегіи иностранныхъ дѣлъ, подъ предлогомъ, что китайское правительство знаетъ только сенатъ.

По возвращеніи втораго посольства, пекинское правительство ожидало русской миссіи съ поздравленіями къ императору Юнг-Чей. Ожиданія были напрасны, такъ какъ наше прави-

тельство полагало, что не было никакого основанія посылать спеціальную миссію съ поздравленіемъ къ императору, уже царствовавшему нѣсколько лѣтъ *).

Понятно, почему, по возвращеніи втораго посольства въ Пекинъ, китайскія власти возобновили свои придирки къ русскимъ купцамъ. Караванъ, отправленный въ Пекинъ въ 1731 г., былъ хорошо принятъ и могъ съ выгодой ликвидировать свои дѣла. Китайское правительство приказало выстроить двѣ русскія церкви, одну въ колоніи албазинскихъ казаковъ, другую въ русскомъ „кванѣ“.

Но съ 1733 года отношенія между Россіей и Китаемъ принимаютъ снова очень неблагопріятный оборотъ. Китайское правительство сочло себя оскорбленнымъ отказомъ выдать нѣсколько тысячъ монголовъ, скрывшихся на русской территоріи. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, неудовольствіе китайскаго правительства улеглось мало по малу, такъ что стало возможнымъ принять дѣйствительныя мѣры къ развитію торговли съ Китаемъ. Многіе русскіе купцы поселились въ Кяхтѣ, была основана „торговая компанія съ Китаемъ“, и китайскія власти согласились отказаться отъ нѣкоторыхъ мѣръ, вызванныхъ желаніемъ притѣснить нашихъ купцовъ. Такое благопріятное положеніе вещей, къ несчастью, было непродолжительно. Съ 1756 г. отношенія между двумя дворами стали очень натянуты. Пекинскій дворъ не могъ простить русскому правительству гостепріимства, оказаннаго предводителю дзунгаровъ Амурзанѣ, разбившему китайцевъ на берегахъ рѣки Или; онъ настаивалъ на выдачѣ Амурзаны и всѣхъ укрывшихся дзунгаровъ.

Требованія китайцевъ дѣлались съ каждымъ днемъ болѣе настойчивы. Наше правительство въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, не могло ни уважить просьбы китайцевъ, ни сдѣлаться сообщникомъ жестокостей, ожидавшихъ перебѣжчиковъ

*) Въ немногихъ извѣстіяхъ о развитіи сношеній между Россіей и Китаемъ говорится только объ одномъ китайскомъ посольствѣ въ Россію до 1869 года. Въ дѣйствительности ихъ было два по документамъ, хранящимся въ нашихъ государственныхъ архивахъ. Миссія Бэрлингэма въ 1869 г. была третьей.

въ Китаѣ. Вслѣдствіе такого отказа китайское правительство не только не позволяло русскимъ караванамъ переступать черезъ границу, но даже строго запретило своимъ подданнымъ поддерживать сношенія съ русскими. Кяхтинская торговля совершенно прекратилась на нѣсколько мѣсяцевъ.

Смерть Амурзаны должна была бы устранить всѣ затрудненія. Это происшествіе было оффиціально возвѣщено пекинскому двору. Но этотъ послѣдній не считалъ себя удовлетвореннымъ и требовалъ позволенія русскихъ властей осмотрѣть тѣло Амурзаны черезъ мандариновъ отъ „Ли-фан-юана". Сенатъ далъ такое позволеніе, не безъ колебанія, и мандарины приступили къ осмотру трупа на опредѣленномъ пунктѣ границы. Тогда китайское правительство сдѣлалось еще требовательнѣе; оно домогалось, чтобы трупъ, равно какъ и оставшіеся въ живыхъ дзунгары были ему выданы. Наше правительство отказало наотрѣзъ. Оно объявило, что трактатъ нисколько не обязывалъ его выдавать мертвыя тѣла, и что дзунгары уже не подданные богдыхана. Слѣдствіемъ этого столкновенія была остановка торговли въ Кяхтѣ въ продолженіе семи лѣтъ отъ 1762—1769 года; члены же духовной миссіи въ Пекинѣ были даже заключены въ тюрьму.

Принявъ бразды правленія, Екатерина II занялась съ особенною заботливостью отношеніями къ Китаю. Въ 1764 г. она учредила комитетъ изъ компетентныхъ лицъ, которымъ было поручено изучить условія нашей торговли съ Китаемъ, она поощряла основаніе торговыхъ компаній изъ русскихъ купцовъ; сама давала имъ совѣты, какъ направить дѣло, и между прочимъ объявила, что правительство впредь не берется за составленіе каравановъ. Равнымъ образомъ все административное управленіе Сибири было преобразовано въ видахъ улучшенія сношеній съ Небесной имперіей.

Всѣ эти мѣры должны были, конечно, остаться безъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока китайское правительство не рѣшилось бы выйти изъ своего враждебнаго положенія къ Россіи.

Еще въ 1762 г. императрица рѣшилась отправить въ Пекинъ капитана Кропотова съ порученіемъ извѣстить богдыхана объ ея восшествіи на престолъ.

Кропотовъ отправился съ караваномъ, въ которомъ, однако, наши купцы отказались принять участіе. Русскій посолъ былъ принятъ богдыханомъ, но съ нимъ обошлись такъ сухо, что онъ не могъ ничего добиться для возстановленія торговли. На всѣ его предложенія въ этомъ направленіи, мандарины отвѣчали совѣтомъ войти сперва въ переговоры съ китайскимъ коммисаромъ по пограничнымъ дѣламъ въ Ургѣ.

Съ 1763 года отношенія между Россіей и Китаемъ принимаютъ все худшій оборотъ. Въ 1764 году всякая оффиціальная переписка съ китайскимъ правительствомъ прекратилась, такъ какъ императрица Екатерина II не могла, не роняя своего достоинства, отвѣчать на дерзкія ноты „Ли-фан-юана“. Такое положеніе вещей продолжалось до 1767 года, когда китайцы сами выразили желаніе возобновить сношенія. Капитанъ Кропотовъ былъ во второй разъ посланъ въ Пекинъ съ порученіемъ уладить всѣ затрудненія, возникшія по вопросамъ о выдачѣ выходцевъ, границѣ и торговыхъ сношеніяхъ. Китайское правительство перемѣнило тонъ и также назначило чиновниковъ для переговоровъ.

Послѣ долгихъ преній, уполномоченные подписали, 18-го октября 1768 года, отдѣльный актъ или дополненіе къ трактату 1727 г., который подтверждая, съ одной стороны, обязательную силу этого договора, даетъ, съ другой, совершенно новую редакцію статьи X, касающейся „дезертировъ“.

Нельзя сказать, чтобы эта новая редакція была счастливѣе старой, но она должна была „исправить все, что въ трактатѣ 1727 года было написано или прибавлено по ошибкѣ на языкахъ русскомъ и латинскомъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, въ чемъ заключалась причина большей части столкновеній между Россіей и Китаемъ. Оба правительства понимали и объясняли себѣ совершенно различно трактаты, заключенные между ними, такъ какъ переводъ, сдѣланный на европейскомъ языкѣ, очень часто противорѣчилъ китайскому тексту.

Другая причина этихъ столкновеній заключалась въ невозможности для европейской и христіанской державы привести въ исполненіе принятыя на себя обязательства. Это относится

главнымъ образомъ къ вопросу о перебѣжчикахъ. Въ этомъ отношенія дополнительный актъ 1768 года провозглашаетъ полное забвеніе недоразумѣній, возникшихъ между двумя государствами, но установляетъ на будущее время такія драконовскія правила относительно преступниковъ и „дезертировъ", что русское правительство не въ состояніи было исполнить ихъ буквально.

Невольно рождается вопросъ: почему Россія соглашалась на неисполнимыя условія. Она это дѣлала, оставляя себѣ, впрочемъ, лазейку—въ свободѣ толкованія принятыхъ на себя обязательствъ, такъ какъ она желала во что бы то ни стало поддерживать мирныя, торговыя сношенія со своимъ непосредственнымъ сосѣдомъ. Россію нельзя упрекать въ недобросовѣстности. Текстъ или слова трактатовъ обыкновенно понимались совершенно одинаково какъ Россіей, такъ и Китаемъ, исключая случаевъ ошибокъ въ переводѣ. Но духъ этихъ международныхъ актовъ былъ понимаемъ различно двумя правительствами по той простой причинѣ, что ихъ нравственныя и юридическія понятія о международныхъ отношеніяхъ были существенно противоположны. Не буква и не формальный текстъ гарантируетъ добросовѣстное исполненіе международныхъ обязательствъ, но правовое міросозерцаніе договаривающихся государствъ; ихъ понятія о необходимости дружественныхъ отношеній между народами и, наконецъ, ихъ намѣреніе и желаніе въ точности исполнить свои обязательства.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ понятія Россіи и китайскаго правительства были діаметрально противоположны. Намъ кажется, что, разбирая единственно только съ этой точки зрѣнія отношенія между двумя государствами, мы будемъ справедливы относительно ихъ обоихъ. Было бы трудно обвинять Россію въ принятіи на себя такихъ обязательствъ, которыя она не могла исполнить буквально, не отказавшись отъ своего нравственнаго достоинства и своей роли христіанской державы, преслѣдующей цивилизаторскую и возвышенную миссію въ Азіи. Съ другой стороны, справедливость требуетъ признать, что Китай, хотя и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вступать въ какія бы то ни было от-

ношенія съ Россіей, былъ принужденъ изъ за политическихъ соображеній и ничтожныхъ иногда причинъ завязывать сношенія со своимъ могущественнымъ сосѣдомъ и скрѣплять своею подписью обязательства, глубоко противныя понятіямъ, стремленіямъ, обычаямъ и законамъ китайскаго народа. Сила обычаевъ и традицій въ Китаѣ невѣроятна. Отмѣтимъ весьма характеристичный фактъ по этому поводу. Въ 1784 году въ Сибири былъ учрежденъ новый постъ Иркутскаго и Колыванскаго генералъ-губернатора, на командующаго же Троицко-Савской крѣпостью было возложено веденіе пограничныхъ сношеній. Пекинское правительство энергично протестовало противъ такого нарушенія трактатовъ. Очевидно, что нельзя судить о китайцахъ по нравственнымъ понятіямъ и образу дѣйствій, принятымъ между цивилизованными націями *).

Послѣдовавшее въ 1761 году соглашеніе уладило пререканія на очень короткое время. Вопросъ о перебѣжчикахъ никогда не замиралъ, а китайское правительство постоянно выражало свое неудовольствіе по поводу того, что Россія не выдавала лицъ, тысячами спасавшихся на нашей территоріи отъ его незаконныхъ поборовъ. Въ 1771 году русское правительство имѣло случай на опытѣ убѣдиться въ готовности китайцевъ исполнять условія трактата по вопросу о выдачѣ перебѣжчиковъ. Дѣйствительно, въ этомъ году около десяти тысячъ калмыковъ, недовольныхъ установленнымъ нашимъ правительствомъ порядкомъ управленія, болѣе способнымъ содѣйствовать ихъ прогрессивному развитію, переселились въ Китай. Русское правительство потребовало ихъ выдачи и протестовало противъ натурализаціи, данной имъ въ Пекинѣ.'

Екатерина II особенно энергично настаивала на выдачѣ по крайней мѣрѣ 150 русскихъ подданныхъ, захваченныхъ калмыками въ Китай. Пекинское правительсво отвѣтило, что калмыки просили о принятіи ихъ на китайскую территорію и о натурализаціи, и что оно ничего не знаетъ о судьбѣ 150 русскихъ.

*) Смотри мое изслѣдованіе „Россія и Англія въ Средней Азіи" переводъ барона К. Ф. Таубе.

Такой отвѣтъ произвелъ очень дурное впечатлѣніе на императрицу Екатерину. Вотъ какимъ образомъ Китай исполнялъ свои обязательства. Когда же его собственныя требованія выдать переселенцевъ не бывали уважены, онъ прибѣгалъ къ закрытію рынковъ, открытыхъ для русской торговли! Такъ, напримѣръ, кяхтинская торговля была прекращена съ 1778 по 1780 годъ, потому что наше правительство не соглашалось выдать китайскаго ученика, спасшагося на русскую территорію. Далѣе, торговля съ Китаемъ была пріостановлена съ 1785 по 1792 годъ, вслѣдствіе разбойничьихъ нападеній бурятовъ на китайскихъ купцовъ. Это столкновеніе было улажено новымъ договоромъ 1792 года, подтверждавшимъ ранѣе заключенные трактаты и вновь открывавшимъ торговыя сношенія между двумя государствами. Этотъ актъ былъ подписанъ, отъ имени Россіи, Иркутскимъ губернаторомъ Нагелемъ, почти потерявшимъ всякое терпѣніе за два года нескончаемыхъ переговоровъ.

Надменность китайцевъ проглядываетъ въ каждой строкѣ акта 1792 года.

Русское правительство чувствовало, что заключенный трактатъ не могъ дать необходимой безопасности торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ. Но наше правительство его подписало не показавъ, что оскорблено высокомѣріемъ пекинскаго правительства, такъ какъ нужно было положить конецъ постояннымъ столкновеніямъ. Однако, очень скоро русскому правительству пришлось прійти къ убѣжденію, что всѣ заключенные договоры— были лишь полумѣры и отнюдь не гарантировали необходимой для торговли безопасности. Александръ I рѣшился добиться этой безопасности.

Въ 1805 году изъ Петербурга выѣхало въ Пекинъ посольство болѣе блестящее, чѣмъ всѣ предъидущія. Во главѣ его находился графъ Головкинъ, въ инструкціяхъ котораго, данныхъ ему 29-го іюня 1805 года, заключалось въ девятнадцати пунктахъ очень вѣрное изложеніе отношеній между Россіей и Китаемъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, на которые велѣно было обратить особенное вниманіе: 1) всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ охранять неприкосновенными честь и достоинство Россіи; 2) добиться отъ пекинскаго правительства открытія для торговли всей китай-

ской границы; 3) собрать свѣдѣнія о судоходствѣ по Амуру и о возможности достигнуть по этой рѣкѣ Охотскаго моря, испросить у китайскаго правительства позволенія пользоваться этимъ путемъ сообщенія и устроить въ устьяхъ Амура склады товаровъ; 4) объявить пекинскому правительству, что Россія воспользовалась правомъ, предоставленнымъ другимъ державамъ, снарядить корабль въ Кантонъ и добиться признанія этого права за нею на будущее время; 5) устроить сообщеніе по Желтому морю между русскими владѣніями въ Сѣверной Америкѣ и портомъ Нанкиномъ; 6) выговорить въ пользу русскихъ купцовъ право посылать караваны во всѣ внутренніе города Небесной имперіи; 7) испросить у пекинскаго правительства право содержать агентовъ въ устьяхъ Амура и въ Кантонѣ и имѣть дипломатическаго представителя въ Пекинѣ. Если бы китайское правительство не согласилось имѣть въ Пекинѣ русскую дипломатическую миссію, графъ Головкинъ долженъ былъ исходатайствовать въ пользу архимандрита духовной миссіи право защищать передъ китайскимъ правительствомъ интересы нашихъ купцовъ. Остальные пункты инструкціи касались преимущественно образа дѣйствій посольства въ Китаѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Кяхту, Головкинъ увѣдомилъ объ этомъ китайскія власти въ Ургѣ и просилъ ихъ принять мѣры для его путешествія въ Пекинъ. Но уже на границѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что недоброжелательство китайскаго правительства продолжается.

Во время одного обѣда, предложеннаго ему мандаринами Урги, они потребовали отъ русскаго посла, чтобы онъ прежде чѣмъ садиться за столъ, совершилъ „ков-тов“ въ честь богдыхана. Головкинъ наотрѣзъ отказался. Переговоры, длившіеся 33 дня, не могли уладить этихъ затрудненій. Графъ согласился класть установленные поклоны передъ самимъ богдыханомъ, но отказался дѣлать ихъ передъ „ваномъ“ (губернаторомъ) и мандаринами Урги. Китайскія власти не хотѣли уступать и подъ конецъ Головкинъ уѣхалъ изъ Урги и возвратился въ Кяхту на русскую территорію.

Оттуда онъ продолжалъ путь въ С.-Петербургъ. Императоръ Александръ I бросилъ намѣреніе заключить новый трак-

татъ. Достойно замѣчанія, что возвращеніе графа Головкина въ Россію произвело сильное впечатлѣніе на пекинское правительство, которое тотчасъ же отозвало губернатора и другихъ чиновниковъ Урги, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ китайское правительство очевидно искало случая снискать дружбу нашего правительства, относясь съ большею заботливостью къ торговымъ интересамъ Россіи и принимая мѣры для развитія коммерческихъ дѣлъ въ Кяхтѣ. Въ 1809 году оно само просило о присылкѣ русскаго посольства въ Пекинъ, а въ 1810 году возобновило свою просьбу. Тонъ оффиціальныхъ китайскихъ актовъ дѣлался все предупредительнѣе. Наконецъ, во время однихъ переговоровъ между Иркутскимъ губернаторомъ и мандаринами Урги были приняты, съ общаго согласія, мѣры, способствовавшія развитію торговыхъ сношеній.

Такія послѣдствія внезапнаго отъѣзда русскаго посла показываютъ, что по отношенію къ Китаю достойный и энергическій образъ дѣйствій будетъ всегда гораздо болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ уступчивый и нерѣшительный.

Посольство графа Головкина—послѣдняя попытка, сдѣланная Россіей съ цѣлью развить торговыя сношенія посылкою дипломатическихъ миссій въ Пекинъ. До 1851 года, т. е. до заключенія Кульджинскаго трактата, оффиціальныя сношенія между двумя правительствами происходили чрезъ посредство кяхтинскихъ властей, съ одной стороны, и Урги, съ другой. Равнымъ образомъ періодическая посылка архимандритовъ и учениковъ для духовной миссіи въ Пекинѣ также вызывала обмѣнъ идей между двумя правительствами. Что касается торговыхъ сношеній, то они до 1851 г. сосредоточивались исключительно въ Кяхтѣ и Маймачинѣ, расположенномъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Кяхты на китайской территоріи, караваны же въ Пекинъ болѣе не отправлялись.

Этотъ долгій промежутокъ времени не остался, однако, безъ практическихъ результатовъ для сношеній Россіи съ Китаемъ. Бросивъ мысль поставить торговлю съ Китаемъ на болѣе широкую ногу, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, русское правительство задалось цѣлью изучить во всѣхъ отношеніяхъ внутреннее положеніе, условія благосостоянія и силы

Китая. Съ этою цѣлью оно устроивало много ученыхъ экспедицій, благодаря которымъ могло, съ знаніемъ дѣла, судить о средствахъ Китая и о жизненныхъ силахъ его правительства. Сочиненія такихъ лицъ, какъ Тимковскій, отцы Іакинѳъ и Палладій, Сычевскій, Ковалевскій, Захаровъ и Васильевъ не только были вкладомъ въ науку, но и служили для политическихъ цѣлей. Отчетъ путешествія въ Сибирь члена академіи наукъ Миддендорфа особенно выдвинулъ на первый планъ неотложную необходимость обратнаго завоеванія рѣки Амура. Съ тѣхъ поръ какъ Англія принудила Китай открыть нѣкоторые порты англійской торговлѣ, наше правительство не имѣло никакого основанія не слѣдовать тому же пути, заставивъ въ свою очередь китайцевъ сдѣлать и ему справедливыя уступки. Россія не сочла, однако, ни практичнымъ употреблять силу, за исключеніемъ крайней необходимости, ни полезнымъ злоупотреблять своимъ географическимъ положеніемъ для нанесенія удара государству, съ которымъ она ни разу не воевала впродолженіи двухъ вѣковъ. Напротивъ, она рѣшилась сдѣлать Китаю дружественныя предложенія касательно ихъ взаимныхъ отношеній.

Столь дальновидная политика увѣнчалась успѣхомъ. Въ теченіи 11 лѣтъ, Россія заключила съ Китаемъ 4 важныхъ международныхъ трактата, въ силу которыхъ она мирнымъ путемъ, не проливъ ни одной капли крови, получила столько же и даже больше, чѣмъ Англія и Франція силою оружія. Пріобрѣтеніе богатой Амурской области и рѣки того же имени до ея устья находятся въ числѣ этихъ мирныхъ завоеваній. Такимъ образомъ, Россія была вознаграждена за терпѣніе, уступчивость и безкорыстіе, высказанныя ею по отношенію къ Китаю. Намъ остается еще упомянуть о сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ въ послѣднюю четверть вѣка. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1851 года былъ заключенъ Кульджинскій трактатъ, открывшій русской торговлѣ Кульджу и позволившій Россіи назначить консуловъ въ два города Тарбагатай и Или. Этотъ же трактатъ возстановилъ караванную торговлю и гарантировалъ безопасность путешественниковъ. Вопросъ о „дезертирахъ" былъ разрѣшенъ очень счастливо. По смыслу X-ой статьи „преступники", скрывшіеся съ одной

территоріи на другую, должны быть задержаны и выданы тѣмъ властямъ, которыя будутъ требовать ихъ выдачи. Такимъ образомъ, представителю русскаго правительства М. Ковалевскому удалось устранить на будущее время требованіе выдачи цѣлыхъ племенъ.

Трактатъ 1851 года далъ возможность нашей торговлѣ стать на болѣе широкую ногу и выйти изъ того состоянія летаргіи, въ которомъ она находилась съ самаго конца прошлаго столѣтія. Нужно было, однако, завладѣть Амурской областью, потерянной вслѣдствіе Нерчинскаго трактата 1689 года для того, чтобы открыть этой торговлѣ выходъ въ море и сблизить Россію съ Китаемъ. Это составило главную заботу М. Муравьева, какъ только онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири.

Благодаря его настояніямъ передъ пекинскимъ правительствомъ, было получено разрѣшеніе изслѣдовать теченіе Амура вплоть до устья, а въ 1857 году на его берегахъ основалась первая русская колонія. Въ 1858 году, послѣ переговоровъ, длившихся всего пять дней, въ городѣ Айгунѣ былъ подписанъ трактатъ, по которому Китай уступалъ Россіи лѣвый берегъ Амура отъ рѣки Аргуни до моря и гарантировалъ свободу торговыхъ сношеній подданныхъ обоихъ государствъ на рѣкахъ Усури, Амурѣ и Сунгари.

Трудно не признать характера органическаго трактата, служащаго основаніемъ современныхъ отношеній Россіи съ Китаемъ, за договоромъ, заключеннымъ въ 1858 году въ Тян-Цзинѣ, двѣ недѣли спустя послѣ подписанія трактата, касающагося Амурской области.

Въ 1857 году графъ Путятинъ отправился черезъ Кяхту въ Пекинъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра Россіи для заключенія новаго торговаго трактата съ Китаемъ. Графъ скоро убѣдился, что онъ скорѣе достигнетъ цѣли своего путешествія, спустившись внизъ по рѣкѣ Амуру. Онъ сѣлъ на корабль въ Николаевскѣ, подошелъ къ Тян-Цзину и своимъ достойнымъ и твердымъ образомъ дѣйствій принудилъ пекинское правительство принять его предложенія въ то время, когда лордъ Эльджинъ и баронъ Гро предписывали свою волю

силой. Графъ Путятинъ ловко воспользовался этими обстоятельствами, чтобы дать понять китайцамъ великую разницу, существующую между образомъ дѣйствій Россіи и двухъ западныхъ европейскихъ державъ.

Трактатъ 1858 года поставилъ на широкую ногу дипломатическія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ. Россія добилась права имѣть дипломатическаго агента въ Пекинѣ и назначить консуловъ въ семь китайскихъ портовъ, открытыхъ этимъ трактатомъ для нашей торговли. Русскимъ подданнымъ въ Китаѣ даны были всѣ гарантіи для ихъ личной безопасности. Караванная торговля была избавлена отъ всѣхъ затрудненій и вымогательствъ. Русскіе миссіонеры получили право пропаганды между китайцами. Наконецъ, Россія выговорила себѣ всѣ политическія и торговыя привилегіи, наиболѣе благопріятствуемой націи.

Послѣдній трактатъ, тотъ, на которомъ еще и теперь основываются всѣ политическія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ—трактатъ 1860 г., подписанный въ Пекинѣ генераломъ Игнатьевымъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи извѣстнымъ, въ качествѣ посла въ Константинополѣ. Этотъ актъ опредѣлилъ болѣе выгоднымъ образомъ для Россіи пограничную линію въ Амурской области; открылъ нашей торговлѣ доступъ внутрь Китая и развилъ во всѣхъ отношеніяхъ принципы тян-цзинскаго трактата. Надо признать, что Россія обязана такими результатами не только таланту своего представителя, но также благопріятнымъ обстоятельствамъ, созданнымъ китайцами, Великобританіей и Франціей. Къ этому времени обаяніе Россіи было особенно велико въ Китаѣ. Когда въ 1855 г. чернь города Чугучака разрушила русскую факторію, наше правительство приняло энергическія мѣры, чтобы принудить пекинскій дворъ къ уплатѣ проторей и убытковъ. Генералъ Игнатьевъ воспользовался столкновеніемъ между Китаемъ, съ одной стороны, и Великобританіей и Франціей съ другой, чтобы взять на себя роль посредника между воюющими государствами. Подписаніе трактата въ 1860 г. было наградой за оказанныя имъ услуги пекинскому правительству.

Прибавимъ, что съ 1861 года въ Пекинѣ находится постоян-

ный представитель Россіи, что новый подробный договоръ о торговлѣ былъ заключенъ въ 1852 г., а въ 1869 пріѣхало въ С.-Петербургъ китайское посольство, во главѣ котораго находился американецъ Бэрлингэмъ.

III.

Изложивъ историческое развитіе сношеній Россіи съ Китаемъ, намъ нужно остановиться теперь на основныхъ принципахъ, на которыхъ покоятся въ настоящее время отношенія между двумя имперіями. Постановленія всѣхъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ Китаемъ, касаются слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) вопроса о границахъ; 2) о пограничныхъ и торговыхъ сношеніяхъ; 3) о духовной миссіи и 4) объ отношеніяхъ политическихъ и дипломатическихъ сношеніяхъ въ особенности.

§ 1. Постановленія, касающіяся границъ.

Опредѣленіе границъ въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ представляются теперь, потребовало не мало труда и служило причиной многихъ столкновеній между двумя странами. Отсутствіе у китайцевъ положительныхъ свѣдѣній о пространствѣ ихъ страны, обширность владѣній Россіи и Китая, значительное протяженіе русско-китайской границы, тянущейся на нѣсколько тысячъ миль и неполное знакомство съ географіей и топографіей пограничныхъ областей, всѣ эти обстоятельства должны были вызывать столкновенія о границѣ. Во всѣхъ случаяхъ, когда Россія не уступала при этихъ столкновеніяхъ, послѣдствіемъ ихъ, со стороны Китая, были репрессивныя мѣры противъ торговли. Очевидно, что точное опредѣленіе границы, а при случаѣ, и ея исправленіе были необходимы для устраненія столкновеній и для обезпеченія безопасности торговыхъ сношеній. Со времени нерчинскаго и до заключенія въ 1860 г. пекинскаго трактата вопросъ о границахъ обсуждался съ большими или меньшими подробностями. Намъ кажется совершенно излишнимъ описывать здѣсь пограничную линію, опредѣленную этими трактатами и спеціальными актами. Упомянемъ предпочтительно о трактатахъ айгунскомъ (статья 1), тян-цзинскомъ (статья 9) и пекинскомъ (статьи 1 до 3).

§ 2. Постановленія, касающіяся пограничныхъ и торговыхъ сношеній.

Не чувствуя ни малѣйшаго желанія войти въ непосредственныя сношенія съ иностранными народами, Китай до нашихъ дней преслѣдовалъ лишь одну цѣль: отказываться отъ этихъ сношеній какъ можно дольше. Сила оружія, со стороны западныхъ державъ, и сила обстоятельствъ, со стороны Россіи, принудили Китай отказаться отъ излюбленной имъ системы исключительности и сблизиться съ самымъ могущественнымъ и самымъ близкимъ сосѣдомъ. Несмотря на то, что Китай уже болѣе чѣмъ два вѣка тому назадъ согласился завязать сношенія съ Россіей, онъ старался всячески стѣснить ихъ и положить имъ извѣстные предѣлы. Болѣе столѣтія Кяхта и Маймачинъ служили центромъ всѣхъ сношеній съ Небесной имперіей. Китайское правительство требовало, чтобы наши купцы путешествовали по самой короткой и прямой дорогѣ, угрожая имъ конфискаціей товаровъ, въ случаѣ отклоненія отъ предначертаннаго пути (ст. 4 трактата 1728 г.). Съ общаго согласія былъ установленъ путь отъ границы до Пекина; кромѣ того, караваны всегда сопровождались мандаринами. Чтобы переступить черезъ границу, нужно было запастись паспортомъ, подписаннымъ правительственными лицами, имена которыхъ были извѣстны какъ въ Россіи, такъ и въ Китаѣ (ст. 6 того же трактата). Въ этомъ отношеніи условія трактатовъ тян-цзинскаго и пекинскаго имѣютъ громадное значеніе. Послѣдствіемъ заключенія этихъ трактатовъ было не только открытіе нѣсколькихъ городовъ для мирныхъ сношеній съ Китаемъ, но и организація систематическаго почтоваго сообщенія между двумя государствами. Въ 1728 г. было установлено, что курьеры и письма будутъ направляться неиначе какъ по кяхтинской дорогѣ, и только въ видѣ исключенія китайцы позволяли иногда проѣхать по кратчайшему пути. Тянцзинскій трактатъ установилъ правильное почтовое сообщеніе между Кяхтой и Пекиномъ. Китайскій курьеръ долженъ былъ совершать этотъ путь разъ въ мѣсяцъ и употреблять на него 15 дней. Почта съ посылками должна была отправляться четыре

раза въ годъ (статьи 10 и 11). Въ 1860 г. китайское правительство сдѣлало новыя уступки въ этомъ отношеніи, оно позволило отправлять посылки изъ Кяхты въ Пекинъ разъ въ два мѣсяца и признало за русскими купцами право посылать своихъ собственныхъ курьеровъ (ст. 12).

Какъ извѣстно, вопросъ „о дезертирахъ" или переселенцахъ грозилъ постоянно разрывомъ мирныхъ отношеній между Россіей и Срединной имперіей. Положеніе Россіи въ дѣлахъ этого рода было очень затруднительно, а единственнымъ средствомъ предупредить на будущее время дерзкія требованія китайскаго правительства, относительно выдачи переселенцевъ, было ограничить обязательство выдачи—выдачей однихъ лишь преступниковъ.

Всѣ договоры съ Китаемъ выставляли основнымъ принципомъ, что русскіе и китайцы могутъ быть судимы только своими отечественными судами; вслѣдствіе сего лица, обвиняемыя въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, подлежали выдачѣ пограничнымъ властямъ. Этотъ принципъ, категорически подтвержденный тян-цзинскимъ трактатомъ (ст. 7), былъ сохраненъ и въ пекинскомъ трактатѣ. Надо, впрочемъ, сознаться, что постановленія послѣдняго акта, въ этомъ отношеніи, не столь точны, какъ перваго. Въ силу 8 статьи трактата 1860 г., въ случаѣ бѣгства китайскаго подданнаго на русскую территорію, русскія власти должны принять необходимыя мѣры для его задержанія и выдать его, если онъ будетъ схваченъ. Но характеръ лицъ, бѣжавшихъ на русскую территорію, недостаточно ясно опредѣленъ, равно какъ и мотивы задержанія. Конецъ статьи позволяетъ лишь предполагать, что лица, выдачи которыхъ можно требовать, должны быть обвиняемы въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ. Намъ кажется, что редакція 7-ой статьи тян-цзинскаго трактата болѣе удобна и практична.

По мѣрѣ того, какъ развивались дружественныя отношенія между Россіей и Китаемъ, преимущественно въ послѣднее время, расширялись въ договорахъ и постановленія касательно торговыхъ сношеній. Тогда какъ по трактатамъ нерчинскому и кяхтинскому торговля между двумя странами должна была производиться въ Кяхтѣ и ограничивалась отправкою каравановъ вся-

кіе два или три года въ Пекинъ, Кульджинскій трактатъ пробилъ уже широкую брешь въ тѣхъ чрезвычайно стѣснительныхъ условіяхъ, которыми были опутаны торговыя сношенія. Этотъ договоръ позволялъ русскимъ купцамъ пріѣзжать въ Китай ежегодно съ 25-го марта по 10-ое декабря. Если ввезенные товары не были распроданы въ теченіи этихъ восьми съ половиною мѣсяцевъ, нашимъ купцамъ дозволялось продолжать свое пребываніе въ Китаѣ на неопредѣленное время (ст. 8). Русское правительство получило право назначить консуловъ въ городахъ Кульджѣ и Чугучакѣ (Тарбагатай), русскіе же купцы могли получить „даромъ“ отъ мѣстнаго правительства землю для постройки на свой собственный счетъ магазиновъ (ст. 15).

Выгоды, пріобрѣтенныя, въ силу тян-цзинскаго и пекинскаго трактатовъ, еще значительнѣе. Порты: Шанхай, Нинпо, Ту-Чу-Фу, Амой, Кантонъ, Тайванъ-Фо и Кюнг-Чу были открыты русскимъ торговымъ судамъ. Всѣ ограниченія, касающіяся числа нашихъ купцовъ, имѣющихъ право въѣзжать въ Китай, были уничтожены, китайское правительство лишь настояло на исполненіи правилъ, которымъ подчинены подданные другихъ цивилизованныхъ державъ, ведущіе торговые обороты съ китайскими портами (ст. 3 и 4).

Трактатъ 1860 г. возстановилъ древнее право русскихъ купцовъ ѣздить изъ Кяхты въ Пекинъ; они могли торговать по пути въ Ургѣ и Калганѣ, и имъ былъ открытъ городъ Кашгаръ; но оптовая торговля не была дозволена. Кромѣ того, торговыя сношенія могли быть установлены по всей границѣ. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что, позволяя, съ одной стороны, русскимъ купцамъ въѣзжать во всякое время въ Китай, правительство, съ другой, категорически требовало, чтобы въ одномъ мѣстѣ никогда не скоплялось болѣе двухсотъ русскихъ. Упомянемъ также, что подданные сына неба пріобрѣли право посѣщать Россію, „еслибъ они того пожелали“.

Русскіе въ Китаѣ и китайцы въ Россіи совершенно свободно могутъ вести торговыя операціи, и мѣстныя власти не имѣютъ права ставить имъ при этомъ какія бы то ни было преграды. Русскіе могутъ посѣщать всѣ рынки, магазины и

торговые дома китайцевъ. Всѣ споры, возникающіе между купцами обѣихъ державъ, должны разрѣшаться ими самими.

Консулы и власти должны вмѣшиваться лишь для того, чтобы склонить стороны къ полюбовному соглашенію. Въ случаяхъ неисполненія письменныхъ обязательствъ, консулы и мѣстныя власти принимаютъ мѣры, обезпечивающія ихъ исполненіе (ст. съ 5 по 14).

Дополнительныя статьи, касающіяся сухопутной торговли, подписанныя въ Пекинѣ 20-го февраля 1862 г. и разъясненныя въ 1869 г., подробно опредѣляютъ состоявшееся по этому предмету соглашеніе между двумя правительствами. Такъ на разстояніи двухсотъ китайскихъ верстъ (ли) отъ границы, всѣ роды торговли безпошлинны. Товары, ввезенные русскими купцами въ Тян-Цзинъ, оплачиваются только двумя третями тѣхъ пошлинъ, которыя установлены китайскимъ тарифомъ для торговли съ Европой.

Таковы общіе принципы, лежащіе въ основаніи торговыхъ сношеній между двумя странами. Разсмотрѣть современное состояніе этой торговли, равно какъ перечислить ея нужды, на которыя указываютъ нашему правительству заинтересованные въ ней купцы и печать, не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія.

Мы позволимъ себѣ, однако, представить нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу направленія, въ которомъ должны развиваться въ будущемъ торговыя сношенія между Россіей и Срединной имперіей.

До открытія китайскихъ портовъ націямъ Западной Европы и Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, Россія могла монополизировать торговлю съ Китаемъ. Несмотря на препятствія, происходящія отъ застарѣлыхъ предразсудковъ китайцевъ, несмотря на затрудненія, возникающія для развитія торговли отъ негостепріимной природы и отсутствія хорошихъ путей сообщенія, русскіе купцы поддерживали торговыя сношенія съ Срединной имперіей и снабжали китайскими товарами всю Европу. Но открытіе портовъ измѣнило, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, установившійся вѣками порядокъ. Китайскій рынокъ былъ наводненъ очень дешевыми товарами,

привезенными изъ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ Америки и Франціи, такъ что конкурренція, за малыми исключеніями, сдѣлалась почти невозможной для русскихъ товаровъ. Караванная торговля съ портовыми городами, гдѣ сосредоточиваются капиталы, какъ ввозимые изъ Европы, такъ и предлагаемые китайскими капиталистами, не могла продолжаться, русскіе купцы изъ Кяхты были принуждены устроить свои конторы въ Калганѣ, Тянь-Цзинѣ и Ганкоу, и даже ввозъ моремъ чая въ Россію былъ признанъ болѣе выгоднымъ привоза его караванами. Открытіе Суэзскаго канала приблизило Одессу къ шестнадцати китайскимъ портамъ (trade-ports), открытымъ европейской торговлѣ.

Такой переворотъ не могъ уничтожить торговлю Россіи съ Срединной имперіей, ни остановить ея развитія. Въ настоящее время она достигаетъ суммы 85-ти милліоновъ франковъ. Это, конечно, ничтожная сумма, если принять въ соображеніе, что торговыя операціи одной Великобританіи съ Китаемъ достигаютъ почтенной цифры 1,125,000,000 фр.; но не нужно забывать, что русская торговля была совершенно не приготовлена вступить въ борьбу съ торговыми націями, какъ Англія и Соединенные Штаты Америки, и что у нея не было необходимыхъ данныхъ для достиженія этой цѣли.

Очевидно, что торговля Россіи съ Китаемъ можетъ развиваться только при слѣдующихъ трехъ условіяхъ: 1) чтобы въ китайскихъ „trade-ports“ основались богатыя фирмы русскихъ купцовъ и банкировъ; 2) чтобы морская торговля между двумя странами производилась на корабляхъ, плавающихъ подъ русскимъ торговымъ флагомъ, и, наконецъ, 3) чтобы весь внутренній Китай былъ открытъ для русской торговли.

Другими словами, караванная торговля должна получить въ будущемъ всѣ необходимыя гарантіи для своего развитія въ Монголія, Дзунгаріи, Манчьжуріи и вездѣ, гдѣ она не могла бы встрѣтить конкурренціи со стороны товаровъ, привозимыхъ моремъ.

Торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ, кажется, впрочемъ, и принимаютъ такой оборотъ. Великолѣпные пароходы русскаго добровольнаго флота поддерживаютъ правильное сообщеніе между

Одессой и китайскими портами; на нихъ уже привезено не мало грузовъ чаю для русскихъ торговыхъ фирмъ, и по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Ганкоу русскіе купцы, живущіе въ этомъ портѣ, предприняли учредить пароходство. Наконецъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, наше правительство прекрасно понимаетъ свои обязанности по отношенію къ караванной торговлѣ.

§ 3. Русская духовная миссія въ Пекинѣ.

Мы уже изложили исторіи образованія въ Пекинѣ русской духовной миссіи; намъ остается лишь сказать нѣсколько словъ о современномъ положеніи этого почтеннаго учрежденія. Никто не станетъ, конечно, оспоривать ту выдающуюся роль, которую духовная миссія играла въ международныхъ отношеніяхъ Россіи съ Китаемъ: она служила той постоянной связью, которая соединяла оба правительства даже въ моменты кризисовъ. Присутствіе духовной миссіи въ Пекинѣ постоянно напоминало китайскому правительству о существованіи его могущественнаго сосѣда. Для русскаго правительства духовная миссія была средствомъ для изученія Китая и для полученія новостей объ этой странѣ изъ достовѣрнаго источника. Очевидно, что С.-Петербургское правительство, побуждаемое цѣлями, не имѣвшими ничего общаго съ религіей, стремилось всѣми силами поддержать эту миссію. Съ другой стороны, впрочемъ, нужно отдать справедливость китайскому правительству, что оно показало себя впродолженіи двухъ вѣковъ очень вѣротерпимымъ; доказавъ, такимъ образомъ, что варварское и языческое правительство можетъ быть болѣе великодушнымъ и справедливымъ къ чуждой религіи, чѣмъ многія цивилизованныя, христіанскія правительства.

Кяхтинскій трактатъ (ст. 5) торжественно подтвердилъ существованіе духовной миссіи.

Правительство богдыхана обязалось выстроить церковь, отдать въ распоряженіе миссіи домъ и доставлять провизію и жалованье ея членамъ. Съ тѣхъ поръ всякіе пять или десять лѣтъ въ Пекинъ посылалась миссія, состоявшая изъ архимандрита, въ качествѣ начальника, трехъ монаховъ, медика и пяти учениковъ, всего десяти человѣкъ. Китайское правительство исполнило свои обязательства: оно дало миссіи „нейкванъ",

заключающій въ себѣ нѣсколько домовъ; оно выстроило церковь и содержало миссію, выдавая ей ежегодно заранѣе определенное количество денегъ и рису.

Сумма, назначенная китайскимъ правительствомъ, была столь ничтожна, что святѣйшій синодъ долженъ былъ дополнять ее значительными субсидіями.

Тян-цзинскій трактатъ 1858 г. существенно измѣнилъ этотъ порядокъ вещей.

По смыслу 8-ой ст. китайское правительство объявляетъ, что такъ какъ „христіанская религія, благопріятствуетъ установленію порядка и гармоніи между людьми", то оно обязывается не только не преслѣдовать своихъ подданныхъ за исправленіе обрядовъ христіанской религіи, но и защищать ихъ наравнѣ съ тѣми, которые исповѣдуютъ всякую другую религію, признанную въ государствѣ". Сверхъ того, правительство богдыхана, признавая въ христіанскихъ миссіонерахъ „людей добродѣтельныхъ и не ищущихъ личныхъ выгодъ", позволяетъ имъ проповѣдывать христіанскую религію своимъ подданнымъ и обязывается не мѣшать имъ въ томъ случаѣ, если бы они, снабженные паспортами отъ консуловъ и китайскихъ властей пожелали проникнуть внутрь имперіи. Что касается личнаго состава миссіи, ея члены имѣютъ право свободно оставлять Пекинъ, а русское правительство можетъ замѣнять ихъ другими. На будущее время всѣ траты по содержанію миссіи беретъ на себя русское правительство (ст. 10).

Таковы постановленія, опредѣляющія современное положеніе духовной миссіи въ Пекинѣ. Хотя русское правительство окончательно взяло на себя содержаніе миссіи, однако, говорятъ, что несмотря на статью 10-ую тян-цзинскаго трактата, китайская казна выплачиваетъ, по обычаю, миссіи жалованье и даетъ провизію.

Впрочемъ, неизлишне прибавить, что послѣ учрежденія при пекинскомъ дворѣ русской дипломатической миссіи духовная миссія должна была потерять свое прежнее историческое значеніе.

Духовная миссія въ Пекинѣ была основана по просьбѣ китайскаго императора Кан-Си для казаковъ Албазина. Теперь насчитываютъ въ Пекинѣ 120 человѣкъ или всего 23 семейства

потомковъ этихъ храбрецовъ. Число китайцевъ, исповѣдующихъ православную вѣру въ Пекинѣ, достигаетъ 500 человѣкъ. Въ Калганѣ и въ нѣкоторыхъ портахъ, открытыхъ для европейской торговли, живутъ русскіе и нѣсколько китайцевъ, принятыхъ въ лоно русской церкви.

Въ Китаѣ существуютъ 4 русскія церкви: двѣ въ Пекинѣ, третья въ китайской деревнѣ по дорогѣ изъ Пекина въ Тяп-Цзинъ и четвертая въ Ганкоу.

Мы изложили юридическое положеніе и матеріальныя средства нашей духовной миссіи. Невольно обращаетъ на себя вниманіе характеристическая черта, отличающая ее, во всѣхъ отношеніяхъ, отъ другихъ духовныхъ миссій и отъ всѣхъ религіозныхъ конгрегацій, основавшихся въ Китаѣ: самое тщательное соблюденіе со стороны миссіи автономіи китайскаго правительства. Никогда миссія не дѣлала пропаганды среди китайцевъ; никогда она не присвоивала себѣ права защищать противъ ихъ собственнаго правительства тѣхъ немногихъ китайцевъ, которые добровольно примкнули къ православной церкви; никогда она не старалась, при удобномъ случаѣ, вызывать неудовольствіе, злоупотребляя своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Такой образъ дѣйствій обязательно всегда возлагался русскимъ правительствомъ на членовъ миссіи, и ни разу пекинское правительство не было вынуждено протестовать противъ такой пропаганды христіанской религіи, которая противорѣчила бы обязанностямъ подданныхъ къ ихъ національнымъ властямъ. Этимъ также объясняется то уваженіе, которымъ пользовались всегда члены миссіи. Правда, что этотъ образъ дѣйствій не могъ привлечь въ лоно православной церкви много прозелитовъ-китайцевъ.

Насъ, можетъ быть, спросятъ, въ чемъ состояла дѣятельность миссіи, и каковы были обязанности ея членовъ, кромѣ богослуженія?

Факты краснорѣчиво отвѣтятъ намъ. Благодаря дѣятельности почтенныхъ членовъ духовной миссіи, потомки казаковъ Албазина, сдѣлавшись китайцами, остались, однако, вѣрны православной вѣрѣ. Въ мѣстопребываніи миссіи, въ „пейкванѣ", находятся двѣ школы—одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ, подъ руководствомъ монаховъ-миссіонеровъ. Но самой

главной заслугой миссіи по отношенію Россіи и всего человѣчества являются ученые труды ея членовъ. Только благодаря имъ, русская литература, говоря вообще, такъ богата сочиненіями, полными точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о Китаѣ и его жителяхъ. Сочиненія такихъ писателей какъ отцы Іакинѳъ, Даніилъ, Палладій и Исаія, дали возможность правительству почерпать изъ самаго лучшаго источника точныя свѣдѣнія о положеніи Китая, о средствахъ, обычаяхъ и законахъ этой страны. Наконецъ, Россія обязана лучшими своими синологами, каковы: Тимковскій, Васильевъ и Захаровъ — членамъ миссіи: они руководили первыми работами этихъ ученыхъ.

Съ этой точки зрѣнія, наша духовная миссія въ Пекинѣ оказала не маловажную услугу русскому народу.

§ 4. Постановленія, касающіяся политическихъ отношеній и дипломатическихъ сношеній въ особенности.

Оба правительства поддерживали другъ съ другомъ сношенія, впродолженіи двухъ вѣковъ, обмѣниваясь дипломатическими миссіями и консульскими агентами. Но въ послѣдніе годы эти отношенія коренными образомъ измѣнились.

Мы уже знаемъ, что между двумя правительствами было условлено, что компетентной властью для переговоровъ съ Китаемъ будетъ, со стороны Россіи, Правительствующій Сенатъ, со стороны же китайскаго правительства „Ли-фан-юанъ“, что касается прямыхъ сношеній между пограничными властями они должны были вестись Тобольскимъ и Иркутскимъ губернаторами, съ одной стороны, и мандаринами Урги и Кяхтинскимъ коммисаромъ или „дзаргугей“ („бу-юанъ“), съ другой.

Этотъ порядокъ сношеній былъ измѣненъ трактатами тяніцзинскимъ и пекинскимъ. Въ 1858 г. было постановлено, что впредь всѣ сношенія между двумя высокими правительствами не будутъ болѣе происходить между Сенатомъ и китайскимъ министерствомъ колоній (ли-фан-юанъ), но между русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и первымъ членомъ верховнаго совѣта или первымъ министромъ (цун-ци-чу), со стороны Китая, на основаніяхъ полнѣйшей равноправности (ст. 2).

Въ силу пекинскаго трактата (ст. 9) генералъ-губернаторы

Сибири, равно какъ и губернаторы Амурской и Приморской областей, были уполномочены входить въ прямыя сношенія съ названными пограничными властями.

Благодаря такому измѣненію, выгодному для общаго теченія дѣлъ, вслѣдствіе громадныхъ разстояній, отдѣляющихъ пограничныя власти отъ центральнаго правительства, можно было избѣгнуть многихъ столкновеній и сохранить, во время принятыми мѣрами, миръ и согласіе между двумя государствами.

Дипломатическія дѣла между Россіей и Китаемъ велись до послѣдняго времени спеціальными миссіями, которыя по трактату 1689 г. должны были улаживать всѣ столкновенія, могущія возникнуть между двумя правительствами.

Въ началѣ прошлаго столѣтія было постановлено по отношенію церемоніала пріема пословъ, что „малые и великіе послы", пріѣхавъ на границу того государства, куда они посланы, должны объявить пограничнымъ властямъ о характерѣ и цѣли своей миссіи и ожидать пріѣзда чиновника, который долженъ сопровождать ихъ до столицы. Всѣ издержки по путешествію пословъ, равно какъ и содержаніе ихъ въ столицѣ, ложились на мѣстное правительство.

Та же 9-ая ст. кяхтинскаго трактата прибавляетъ, что если посолъ пріѣдетъ въ китайскій городъ, закрытый для торговли, то товары, ввезенные имъ, не будутъ пропущены.

Очевидно, что теперь эти постановленія имѣютъ лишь историческій интересъ, такъ какъ тяп-цзинскій трактатъ (ст. 2) далъ Россіи право имѣть постояннаго представителя при пекинскомъ дворѣ. Этотъ дворъ обязывается содѣйствовать всѣми способами путешествію дипломатическихъ агентовъ Россіи до Пекина. Впрочемъ, само русское правительство беретъ на себя всѣ издержки. Наконецъ, представители Россіи въ Китаѣ пользуются всѣми правами и привилегіями, признанными правительствомъ богдыхана за министрами иностранныхъ державъ.

Если сравнить трактаты 1728 и 1858 годовъ, то нельзя не замѣтить, что первый также упоминаетъ о китайскихъ посольствахъ въ Россію, между тѣмъ какъ послѣдній имѣетъ въ виду лишь русскія дипломатическія миссіи при пекинскомъ дворѣ. Это обстоятельство довольно характеристично. Мы не можемъ

предположить, чтобы здѣсь былъ невольный пропускъ со стороны китайскихъ уполномоченныхъ, подписавшихъ тян-цзинскій трактатъ. Напротивъ, мы можемъ безошибочно предположить, что въ 1858 г. пекинское правительство, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, было до такой степени проникнуто ненавистью къ христіанскимъ державамъ, что, будучи вынуждено принимать у себя представителей цивилизованныхъ правительствъ, не желало при этомъ отправлять свои собственныя миссіи въ Европу. Конечно, китайское правительство не питало подобныхъ чувствъ къ Россіи, но оно прекрасно понимало невозможность назначенія дипломатической миссіи въ С.-Петербургъ, не возбудивъ при этомъ зависти другихъ европейскихъ державъ. Впрочемъ, нельзя и требовать отъ правительства, при которомъ аккредитованы дипломатическія миссіи, чтобы оно имѣло своихъ представителей за границей.

Россія по трактату 1858 года получила право имѣть своихъ постоянныхъ представителей при пекинскомъ дворѣ. Ея же консульскіе агенты еще въ прошломъ столѣтіи находились въ Пекинѣ, правда, всегда очень короткое время. Кульджинскій трактатъ 1851 года въ первый разъ говоритъ о русскихъ консулахъ въ двухъ китайскихъ городахъ. 5-я статья тян-цзинскаго трактата признаетъ за русскимъ правительствомъ право назначать консуловъ во всѣ „trade-ports“, и пекинское правительство, даруя этимъ агентамъ всѣ права и привилегіи, необходимыя для исправленія ихъ должностей на востокѣ, признаетъ себя обязаннымъ наблюдать, чтобы взаимныя отношенія консуловъ и мѣстныхъ властей были согласны съ установленными правилами. Само собой разумѣется, что отношенія между консулами и русскими подданными, находящимися въ Китаѣ, вполнѣ зависятъ отъ русскихъ законовъ и постановленій; китайскія власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ эти отношенія. Но столкновенія, въ которыхъ замѣшаны русскіе и китайцы, должны быть улаживаемы сообща консулами Россіи и мѣстными властями. Въ Китаѣ, какъ вообще во всѣхъ нехристіанскихъ государствахъ, консуламъ вполнѣ присвоенъ характеръ политическихъ, не дипломатическихъ агентовъ.

Однако, достойно замѣчанія, что въ Китаѣ происхожденіе и

основанія, на которыхъ утверждается консульская юрисдикція, совершенно иныя, чѣмъ въ другихъ восточныхъ, въ особенности мусульманскихъ государствахъ. Въ мусульманскихъ государствахъ консульская юрисдикція коренится на высокомѣрномъ презрѣніи правителей къ иностранцамъ, ихъ дѣламъ, законамъ и обычаямъ: мусульманскіе властители предоставляли самимъ „гяурамъ" и „собакамъ-христіанамъ" вѣдать свои дѣла и чинить судъ и расправу надъ своими преступниками. Понятіе о независимости территоріальнаго суверенитета не существовало ни у сарациновъ, ни у турокъ: они добровольно, безъ всякаго принужденія, предоставляли юридическую экстерриторіальность, какъ могущественнымъ государствамъ, въ родѣ Франціи, такъ и маленькимъ республикамъ—Пизѣ и Флоренціи *).

Происхожденіе консульской юрисдикціи въ Срединной имперіи носитъ совершенно иной характеръ. Китайцы, равно какъ и мусульмане, отличаются гордостью и презрѣніемъ къ заморскимъ „дьяволамъ", законамъ и учрежденіямъ. Но китайское государство, существующее свыше четырехъ тысячъ лѣтъ, гораздо болѣе проникнуто понятіемъ о своей національной независимости, превосходствѣ своихъ законовъ и необходимости поддержать основные принципы своего государственнаго устройства. Достовѣрные факты подтверждаютъ такое мнѣніе. Съ XVI вѣка въ Китаѣ существуютъ христіанскія колоніи и факторіи, преимущественно въ Макао, Кантонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Католическіе миссіонеры, въ особенности іезуиты, играли выдающуюся роль въ Китаѣ и при пекинскомъ дворѣ. Однако, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаевъ, китайское правительство всегда видѣло въ иностранцахъ—лицъ, подчиненныхъ территоріальнымъ законамъ и юрисдикціи. Всѣмъ извѣстны тѣ преслѣдованія и вымогательства, которыя выпали на долю иностранцевъ и миссіонеровъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ. Иностранные купцы, жившіе въ факторіяхъ Макао и Кантонѣ,

---

*) Сравни мое сочиненіе: „О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ". С.-Петербургъ, 1873.

судились китайскими судами и выносили ужасныя наказанія, налагаемыя китайскими законами.

Такой взглядъ китайцевъ нисколько не былъ нарушенъ договорами, заключенными съ Россіей. Трактаты, заключенные до 1851 года, налагали на подлежащія власти обоихъ государствъ обязательство обоюдной высылки на границу всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ. Русское правительство отказывалось отъ своего права судить китайцевъ, совершившихъ преступленія на русской территоріи; это была взаимная уступка, такъ какъ пекинское правительство объявило, что оно не желаетъ вмѣшиваться въ споры и процессы, въ которыхъ замѣшаны одни русскіе.

Но такое положеніе еще болѣе усложнилось, когда державы западной Европы настояли на открытіи китайскихъ портовъ торговлѣ всего свѣта. Высылка иностранцевъ, обвиняемыхъ въ какихъ нибудь преступленіяхъ, на границу ихъ отечества, сдѣлалась невозможною, вслѣдствіе чего правительство настаивало совершенно логично на признаніи подсудности такихъ лицъ территоріальному закону. Европейскія правительства не могли принять этого принципа, въ виду несовершенствъ организаціи законодательной и судебной властей въ Китаѣ. Матеріально было невозможно и совершенно противно достоинству и обязанностямъ цивилизованныхъ державъ согласиться на то, чтобы ихъ подданные, живущіе въ Китаѣ, были судимы и истязаемы китайскими чиновниками. Англія „силою оружія“ заставила пекинское правительство признать юрисдикцію своихъ консуловъ. Другія европейскія державы послѣдовали этому примѣру, и, такимъ образомъ, экстерриторіальность иностранцевъ, равно какъ уголовная и гражданская юрисдикція консуловъ, сдѣлалась основаніемъ всѣхъ сношеній съ Срединной имперіей.

Мы далеки отъ предположенія, что иностранцы въ Китаѣ могутъ быть подчинены территоріальнымъ законамъ и судимы китайскими судами. Мы видимъ, напротивъ, абсолютную необходимость въ экстерриторіальности европейцевъ и американцевъ въ Срединной имперіи; мы признаемъ, что юрисдикція консуловъ не можетъ быть уничтожена до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся кореннымъ образомъ китайскіе законы и пока они не будутъ

давать необходимыхъ гарантій правосудія и безопасности личности и имущества. Но справедливость налагаетъ на насъ обязанность признать основательность многихъ жалобъ китайцевъ. То, что мы сказали о происхожденіи консульской юрисдикціи въ Китаѣ, доказываетъ, что китайское правительство должно быть гораздо болѣе чувствительно къ отмѣнѣ своей территоріальной власти надъ подданными цивилизованныхъ государствъ, чѣмъ Турція, Персія и другія мусульманскія государства.

Консульская юрисдикція была ему навязана силой, и съ самаго начала Китай не признавалъ за ней никакого разумнаго основанія, такъ какъ видѣлъ въ ней узурпацію самыхъ неоспоримыхъ своихъ правъ. Пекинское правительство не забыло, что, за исключеніемъ русскихъ, которые, какъ подданные сосѣдняго государства, находились въ совершенно исключительномъ положеніи, жители европейскихъ факторій и католическіе миссіонеры, въ продолженіи многихъ вѣковъ были подчинены мѣстной китайской власти.

Практическія послѣдствія вышеупомянутыхъ обстоятельствъ очень важны. Съ самаго начала консульская юрисдикція была „навязана“ китайскому правительству въ выгодахъ „заморскихъ дьяволовъ“, поселившихся на китайской землѣ. Пекинское правительство видитъ только одно средство уничтожить такое отрицаніе его неотъемлемыхъ правъ—изгнаніе всѣхъ иностранцевъ безъ исключенія. Правительство, въ сознаніи своего суверенитета, сливается въ этомъ отношеніи въ одномъ желаніи съ 400 милліоннымъ народомъ. Чѣмъ болѣе оно проникнется этой идеей, чѣмъ сильнѣе оно будетъ стремиться къ поголовному изгнанію иностранцевъ, тѣмъ оно станетъ популярнѣе, утвердивъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ свое собственное существованіе и удовлетворивъ высшимъ интересамъ Китая.

Такой взглядъ китайцевъ на щекотливый вопросъ о консульской юрисдикціи. Очевидно, что въ этомъ отношеніи взгляды и стремленія китайскаго народа и его правительства тожественны.

Цивилизованныя державы должны серьезно взвѣсить это обстоятельство. Ихъ общій интересъ требуетъ уничтоженія этой

солидарности взглядовъ между пекинскимъ правительствомъ и и населеніемъ Срединной имперіи, дабы предупредить, по возможности, образованіе тѣснаго союза между народомъ и правительствомъ противъ иностранныхъ подданныхъ и ихъ торговли. Китайскій народъ только съ теченіемъ времени станетъ относиться съ большою терпимостью къ иностранцамъ; наоборотъ, пекинское правительство можетъ быть убѣждено добросовѣстной политикой цивилизованныхъ державъ во всѣхъ тѣхъ выгодахъ, которыя доставляютъ странѣ торговыя сношенія. Однимъ словомъ, прежде всего слѣдуетъ склонить пекинское правительство въ пользу интересовъ человѣчества, и въ этихъ видахъ относиться крайне осторожно къ вопросамъ о привилегированномъ положеніи иностранцевъ въ Китаѣ.

Съ этой точки зрѣнія, очевидно, что правительства Европы и Америки обязаны, въ своихъ собственныхъ интересахъ, ограничить самыми тѣсными рамками понятія экстерриторіальности своихъ подданныхъ въ Китаѣ, не допускать ни малѣйшаго злоупотребленія ими такимъ привилегированнымъ положеніемъ и строго преслѣдовать всякое оскорбленіе достоинства китайскаго правительства со стороны своихъ подданныхъ. Чѣмъ это правительство слабѣе, чѣмъ болѣе оно имѣетъ враговъ въ самой странѣ, тѣмъ болѣе цивилизованныя державы должны помнить, что всякая неумѣстная пропаганда, равно какъ и всякое вмѣшательство въ дѣла внутренняго управленія могутъ привести только къ двумъ слѣдующимъ результатамъ: или вызвать паденіе нынѣшняго правительства въ Пекинѣ, или принудить послѣднее открыто примкнуть къ народу для истребленія всѣхъ иностранцевъ. При первой гипотезѣ нѣтъ никакихъ гарантій для того, чтобы новая династія болѣе благопріятствовала сношеніямъ съ христіанскимъ міромъ. При второй, — въ случаѣ истребленія или изгнанія иностранцевъ, будетъ весьма трудно обратно завоевать утраченное положеніе.

Наконецъ, для того, чтобы цивилизованныя державы могли достигнуть той цѣли, которую онѣ преслѣдуютъ, т. е. сохранить, по возможности, авторитетъ китайскаго правительства въ предѣлахъ его собственной территоріи, онѣ должны, прежде всего, такъ организовать юрисдикцію своихъ консульскихъ су-

довъ въ Китаѣ, чтобы отправленіе ими правосудія не носило на себѣ характера шутки. Необходимо чтобы каждое преступленіе и каждый проступокъ наказывались, и чтобы судопроизводство консульскихъ судовъ давало бы равныя гарантіи правосудія какъ подданнымъ европейскихъ государствъ, такъ и китайцамъ. Необходимо, чтобы эти суды были всегда, на глазахъ китайцевъ, живымъ доказательствомъ превосходства христіанской цивилизаціи.

Необходимо, наконецъ, чтобы китайское правительство не имѣло ни малѣйшаго основанія полагать, что, будучи принуждено отказаться отъ большей части своего національнаго суверенитета, оно тѣмъ самымъ принесло въ жертву свою территорію безнаказаннымъ подвигамъ разныхъ проходимцевъ и фанатиковъ.

IV.

Исторія сношеній христіанскихъ народовъ съ Китаемъ, къ сожалѣнію, представляетъ—непрерывную цѣпь вымогательствъ, которымъ они считали себя въ правѣ подвергать несчастное населеніе этой обширной имперіи. Современное положеніе вещей въ срединной имперіи свидѣтельствуетъ, что средства, употребленныя для привитія къ ней благъ европейской цивилизаціи, имѣли своимъ послѣдствіемъ глубокую ненависть со стороны китайцевъ ко всѣмъ иностранцамъ и высокомѣрное презрѣніе къ представителямъ христіанскаго и цивилизованнаго міра. Давнымъ давно жители „settlements“ (колоній) въ „trade-ports“ (въ торговыхъ портахъ) понимаютъ, что кризисъ въ сношеніяхъ съ Китаемъ неизбѣженъ и что трактаты, заключенные съ этой имперіей, дожны быть пересмотрѣны.

Кто былъ въ состояніи безпристрастно судить о поведеніи жителей иностранныхъ колоній, равно какъ и о правосудіи консульскихъ судовъ, долженъ былъ признать, что европейскія правительства, къ несчастью, очень часто прибѣгали къ грубой силѣ, чтобы навязать и поддерживать порядокъ вещей, который сдѣлался въ концѣ концовъ совершенно невыносимымъ.

Нужно было признать, что при условіяхъ, навязанныхъ трактатами, торговля между Китаемъ и народами христіанскаго

міра должна уничтожить мѣстную промышленность и неизбѣжно повлечь за собою упадокъ благосостоянія въ этой странѣ. Наконецъ, такъ какъ вѣротерпимость китайцевъ въ религіозныхъ вопросахъ была употреблена во зло, съ цѣлью подточить въ корнѣ авторитетъ китайскаго правительства въ отношеніи къ его подданнымъ, то на европейскихъ державахъ лежитъ отвѣтственность за будущность иностранцевъ, живущихъ въ Китаѣ, и за судьбу сношеній съ Срединной имперіей.

Мнѣніе, которое мы только что высказали, раздѣляется многими высокопоставленными лицами, знающими „de visu" положеніе вещей въ китайскихъ портахъ. Лордъ Эльджинъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей Англіи, который своими дарованіями и своимъ великодушнымъ характеромъ завоевалъ себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ своего отечества, вынесъ изъ собственныхъ наблюденій въ Китаѣ убѣжденіе, что англійская торговля съ этой страной „нечестна (dishonest) по отношенію къ китайцамъ и имѣетъ развращающее вліяніе на самихъ англичанъ". Далѣе, онъ сознается, что образъ дѣйствій Англіи очень часто былъ „трудно оправдываемъ" и что „во время разбойничьихъ набѣговъ, (plundering expeditions) которые мы, христіане, осмѣливаемся называть войнами съ этой страной, разбивали идоловъ въ надеждѣ найти въ нихъ сокровища, обирали украшенія церквей, однимъ словомъ, не оказывали ни малѣйшаго уваженія къ религіознымъ чувствамъ китайцевъ" *).

Но, скажутъ намъ, можетъ быть лорду Эльджину представлялся въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ образъ дѣйствій его отечества; можетъ быть было бы несправедливо предполагать, что политика христіанскихъ державъ до сихъ поръ, по отношенію къ Китаю, преслѣдуетъ діаметрально противоположную цѣль той возвышенной миссіи, которая состоитъ въ посвященіи китайцевъ во всѣ блага христіанской цивилизаціи?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы бросимъ взглядъ на сношенія Китая съ другими христіанскими державами, кромѣ Рос-

---

*) Lord Elgin, letters and journals, p. 185, 230, 236.

сіи. Нельзя понять истинныхъ причинъ современнаго столкновенія Россіи съ Срединной имперіей, не ознакомившись съ положеніемъ вещей, созданнымъ въ Китаѣ трактатами, навязанными пекинскому правительству, силою оружія, сперва Англіей и Франціей, потомъ другими державами.

Португальцы—первые завязали прямыя сношенія съ Китаемъ. Въ 1537 г. они утвердились въ Макао, который впродолженіи трехъ столѣтій игралъ выдающуюся роль въ торговыхъ сношеніяхъ между Европой и Небесной имперіей. Голландцы и испанцы послѣдовали этому примѣру, — имъ были открыты порты Кантонъ и Амой.

Французы въ первый разъ появились въ Кантонѣ въ 1560 году, но только съ 1728 г. имъ удалось устроить тамъ факторію. Англійская торговля очень скоро завоевала себѣ первое мѣсто въ коммерческихъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Въ 1637 г. англійская остиндская компанія снарядила торговую экспедицію въ Китай подъ начальствомъ капитана Веддели. Замѣчательно, что первые англійскіе корабли, появившіеся въ китайскихъ водахъ, проложили себѣ путь въ кантонскій портъ, стрѣляя по береговымъ укрѣпленіямъ, когда же баттареи были сбиты и захвачено нѣсколько коммерческихъ судовъ, англійскій капитанъ объявилъ властямъ города, „что онъ проникнутъ самыми хорошими намѣреніями, но, что, впрочемъ, онъ никогда не потерпитъ, чтобы ему показывали недовѣріе!“ Китайскія власти объявили себя готовыми вступить въ переговоры, а командующій англійской эскадрой послалъ имъ двухъ делегатовъ, которые были обязаны, во время пріема мандариновъ, сдѣлать „ков-тов“. Съ тѣхъ поръ торговыя сношенія между остиндскими колоніями Великобританіи и китайскими портами прогрессивно развивались. Кантонскій портъ былъ главнымъ складомъ китайскихъ товаровъ. Въ 1757 г., по указу богдыхана, этотъ портъ одинъ только былъ открытъ для торговли съ иностранцами. Совершенно естественно, что англичане сдѣлали нѣсколько попытокъ добиться права торговать въ другихъ портахъ. Но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посольство Мэкэртнея, отправленное съ этою цѣлью въ 1792 г. въ Пекинъ, потерпѣло полнѣйшую неудачу; китайское правительство

отказалось открыть еще какой нибудь портъ англійской торговлѣ и всякое нарушеніе этого правила преслѣдовало съ величайшею строгостью. Такъ, напримѣръ, англичанинъ Флинтъ, пытавшійся нарушить въ 1759 г. этотъ приказъ, былъ посаженъ въ тюрьму и, послѣ трехлѣтняго заключенія, изгнанъ изъ Китая.

Мы не будемъ останавливаться на изложеніи всѣхъ перипетій въ сношеніяхъ между Англіей и Китаемъ; онѣ достаточно всѣмъ извѣстны. Мы ограничимся только нѣсколькими фактами, имѣвшими большое вліяніе на развитіе этихъ отношеній. Съ 1834 г., когда англійская остиндская компанія утратила монополію торговли съ Срединной имперіей, и Кантонъ былъ одинаково открытъ англичанамъ метрополіи, ведетъ свое начало контрабандная торговля опіумомъ, которую китайскія власти всего больше преслѣдовали. Конфискація у англійскихъ купцовъ въ 1839 г. 20-ти тысячъ ящиковъ съ опіумомъ, по приказанію генералъ-губернатора Кантона, и арестъ многихъ англичанъ послужили поводомъ къ войнѣ Англіи съ Китаемъ, окончившейся въ 1842 г. трактатомъ въ Нанкинѣ.

По этому трактату Великобританія получила Гонконгъ и добилась открытія 4-хъ новыхъ китайскихъ портовъ, которые были также объявлены открытыми для „торговли всѣхъ христіанскихъ народовъ“.

Съ 1842 по 1857 г. сношенія между Англіей и Китаемъ видимо развились. Въ 1857 г. лордъ Пальмерстонъ воспользовался дѣломъ о коммерческомъ кораблѣ „Арроу“, чтобы начать новую войну противъ Китая.

Лордъ Эльджинъ, посланный въ Китай, чтобы настоять передъ пекинскимъ правительствомъ на подписаніи новаго трактата, самъ объявилъ, что начало этого столкновенія, заслуживаетъ презрѣнія, что это „скандалъ“ недостойный Англіи *). Несмотря на это Кантонъ былъ бомбардированъ и разграбленъ, и пекинское правительство было вынуждено подписать тян-цзин-

---

*) Lord Elgin. Letters and journals p. 209. 212· Сравни также Lawrence Oliphant. Narrative of the Earl of Elgin's Mission to China and Japan.

скій трактатъ, продиктованный ему двумя непріятелями, Англіей и Франціей. Китайское правительство отказалось ратификовать этотъ трактатъ. Но союзники возобновили въ 1860 г. враждебныя дѣйствія, взяли Тян-Цзинъ, ограбили и предали огню лѣтній дворецъ китайскаго императора въ Юенмингъ-Юенѣ и принудили китайское правительство подписать другую конвенцію отъ 27-го октября 1860 г., подтверждающую обязательную силу тян-цзинскаго трактата и развивающую его постановленія въ пользу англійской торговли. Въ силу этихъ трактатовъ, Англія и Франція получили право назначать постоянныхъ представителей при пекинскомъ дворѣ, между тѣмъ какъ англійскимъ и французскимъ купцамъ былъ открытъ доступъ во всѣ внутреннія провинціи Китая и въ пять вновь открытыхъ портовъ. Постановленія, касающіяся торговли были включены въ другіе трактаты, заключенные съ Китаемъ Соединенными-Штатами Сѣверной Америки, Германіей, Австро-Венгріей и другими христіанскими державами.

Очевидно, что Англія дѣйствовала энергичнѣе всѣхъ остальныхъ западныхъ державъ Европы. Чтобы добиться того первенствующаго положенія, которое она занимала на крайнемъ востокѣ, она очень ловко воспользовалась благопріятными обстоятельствами и своей матеріальной силой. Результаты, достигнутые Англіей, по истинѣ изумительны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія англійскіе купцы допускались только въ Кантонъ; ни ихъ личная свобода, ни имущество не были обезпечены со стороны китайскихъ чиновниковъ. Теперь, населеніе богатыхъ „settlements“ (колоній) и всѣ вообще англичане, живущіе въ Китаѣ, не признаютъ за мѣстными властями никакихъ правъ надъ ихъ личностью и имуществомъ и неограниченно пользуются привилегіями, добытыми силою оружія.

Положеніе, занятое въ настоящее время Англіей на крайнемъ востокѣ, не можетъ продолжаться, не вызвавъ новаго кризиса. Съ точки зрѣнія политической, преобладаніе Великобританіи въ Пекинѣ необходимо для поддержанія ея господства въ Остиндіи и для охраны ея интересовъ въ Средней Азіи. Серьезная неудача англійской политики въ Китаѣ неизбѣжно

умалила бы значеніе Англіи въ Афганистанѣ и вызвала бы дѣйствительную опасность для ея обаянія во всей Азіи.

Съ точки зрѣнія коммерческой, интересы Англіи въ Китаѣ еще значительнѣе. Въ шестнадцати китайскихъ портахъ англійская торговля занимаетъ первое мѣсто, несмотря на конкурренцію Соединенныхъ Штатовъ. Обмѣнъ продуктовъ между Китаемъ и Англіей достигаетъ до колосальной цифры въ 45 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Очевидно, что значительная часть англійской промышленности существуетъ только благодаря трактатамъ, открывшимъ ей китайскіе рынки.

Впрочемъ, кажется, что въ настоящее время англійская торговля съ Китаемъ достигла высшей степени своего развитія. Съ одной стороны, дѣйствительно, она парализуется американской конкурренціей, съ другой, Китай потребляетъ менѣе англійскихъ произведеній, чѣмъ этого желали бы фабриканты Манчестера, Лидса и другихъ промышленныхъ центровъ Англіи. Англійскіе поселенцы „settlements" настойчиво требуютъ отъ своего правительства открытія всего Китая англійскимъ произведеніямъ, допущенія коммерческихъ судовъ во всѣ рѣки и уничтоженія всѣхъ внутреннихъ таможень, т. е. свободнаго транзита европейскихъ товаровъ во всѣ провинціи Небесной имперіи. Чтобы добиться такого рода новыхъ уступокъ въ интересахъ торговли, нужно было бы, чтобы англійское правительство рѣшилось на новую войну, такъ какъ Китай никогда добровольно не согласится отказаться отъ своей власти, сверхъ шестнадцати портовъ, еще на всемъ пространствѣ своей территоріи. Допущеніе иностранцевъ во внутрь Китая возможно только при устройствѣ повсемѣстно консульствъ и при признаніи экстерриторіальности иностранцевъ. Только при существованіи этихъ двухъ условій иностранцы могли бы жить внутри страны. Нечего удивляться, что, при такихъ условіяхъ, китайское правительство не желаетъ подчиниться требованіямъ христіанскихъ державъ. Что касается транзитныхъ пошлинъ, то китайское правительство взимаетъ ихъ въ силу трактатовъ и согласится на свободный провозъ товаровъ лишь послѣ войны, въ которой потерпитъ полное пораженіе.

Англійскіе резиденты въ Китаѣ жаждутъ войны; они тре-

буютъ отъ своего правительства „твердой и энергической“ политики, которая необходимо должна вызвать ее. Такой взглядъ нашелъ себѣ приверженцевъ даже въ оффиціальныхъ сферахъ, которыя не могутъ простить англійскому правительству, что оно остановилось на пути принудительныхъ мѣръ противъ Китая.

Утвердилось мнѣніе, что начальники англійскихъ экспедицій, предпринятыхъ противъ Китая, не довели операцій до конца какъ въ 1840, такъ и въ въ 1858 годахъ и что, подписавъ трактаты нанкинскій и тян-цзинскій, они сдѣлали важныя ошибки: нужно было завладѣть столицей, нанести рѣшительное пораженіе китайцамъ и принудить правительство подчиниться требованіямъ, въ которыхъ теперь видятъ conditio sine qua non прогрессивнаго развитія коммерческихъ сношеній съ Срединной имперіей.

Къ счастью, англійское правительство не поддалось такому вліянію; оно не захотѣло слѣдовать несправедливой политики, оно не захотѣло, чтобы внѣшніе интересы государства шли на буксирѣ личныхъ интересовъ тѣхъ его подданныхъ, которые живутъ въ Китаѣ. Напротивъ, оно отняло у консуловъ и у офицеровъ морскихъ станцій право оказывать репрессаліи безъ позволенія центральнаго правительства или дипломатическаго представителя и старалось предотвратить серьезныя замѣшательства.

Надо также отдать справедливость дипломатическимъ представителямъ Великобританіи при пекинскомъ дворѣ, что они никогда не переставали проповѣдывать политику соглашенія и ограничивать, когда было возможно, несправедливыя и дерзкія требованія, направленныя къ китайскому правительству. Лордъ Эльджинъ писалъ въ 1858 году своей супругѣ, что „съ тѣхъ поръ какъ онъ познакомился со своими соотечественниками на востокѣ, среди населенія слишкомъ робкаго, чтобы сопротивляться, и черезъ чуръ невѣжественнаго, чтобы жаловаться, онъ увидѣлъ больше, чѣмъ въ теченіи всей своей жизни фактовъ, способныхъ поселить къ нимъ отвращеніе“ *). Благо-

*) Lord Elgin Letters and Journals, p. 252; „Certainly I have seen more to disgust me with my fellow-countrymen than I saw during the whole course

родный лордъ объявляетъ, что, по отношенію къ Китаю, англичане дѣйствовали неблаговидно (scandalously)". Достаточно извѣстно, что его милосердіе къ китайцамъ и энергическое сопротивленіе ненужнымъ мѣрамъ жестокости открыто порицались всѣми англійскими резидентами въ Китаѣ и ихъ друзьями въ Англіи. Лордъ Эльджинъ очень хорошо зналъ, что его поведеніе и рѣшимость спасти Китай отъ ограбленія и злоупотребленій, которыя могли только затормозить удачное окончаніе его дипломатической миссіи, навлекутъ на него ненависть и создадутъ ему много враговъ.

Но онъ остался непреклоннымъ въ своемъ убѣжденіи, что до сихъ поръ соприкосновеніе китайцевъ съ цивилизованными націями было лишь пагубно для первыхъ, и что подданные Великобританіи въ Китаѣ, своею недобросовѣстностью и жаждою къ наживѣ, могли вселить въ китайцахъ одну ненависть и презрѣніе къ европейской цивилизаціи.

Нужно надѣяться, что великодушное мнѣніе лорда Эльджина возметъ перевѣсъ въ совѣтахъ англійскаго правительства. Однако, прошедшее доказываетъ намъ, что оно не всегда умѣло противустоять искушенію воспользоваться своимъ могуществомъ для того, чтобы навязать свою волю. Войны 1839, 1858 и 1860 годовъ доказываютъ, что англійская политика воспользовалась „неблаговидными" и „возмутительными" предлогами, чтобы напасть на слабый Китай. Нанкинскій и тянь-цзинскій трактаты создали такой порядокъ вещей, который влечетъ за собою безграничную эксплатуацію всѣхъ богатствъ китайскаго народа, видимо разрушаетъ его благосостояніе и изо дня въ день подточиваетъ его политическую независимость. И при этихъ то безконечно благопріятныхъ обстоятельствахъ объявляютъ, что англійская торговля съ Китаемъ не можетъ болѣе развиваться! Чисто пассивная роль, которую играютъ китайцы въ заграничной торговлѣ ихъ собственной страны, признается опасною для жителей иностранныхъ колоній. Требуютъ также позволенія для иностранцевъ эксплуатировать внутреннія провин-

---

of my previous life, since I have found them in the East among populations too timid to resist and too ignorant to complain". Сравни также стр. 289 и 393.

ціи Небесной имперіи на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя созданы для туземныхъ купцовъ!

Опасность, которую заключаютъ въ себѣ эти неслыханныя требованія для всѣхъ международныхъ отношеній съ Китаемъ, очевидна. Эти требованія породили уже въ европейскихъ колоніяхъ кризисъ и безпокойство, которые, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ произвести взрывъ. Малѣйшее послабленіе со стороны европейскихъ правительствъ, малѣйшее желаніе эксплуатировать въ интересахъ одной партіи накопившіеся горючіе матеріалы на крайнемъ востокѣ могутъ раздуть всеобщій пожаръ и вызвать самыя опасныя усложненія.

Чтобы понять всю опасность современнаго положенія, нужно принять въ разсчетъ тѣ важныя причины неудовольсствія, которыя имѣетъ пекинское правительство противъ христіанскихъ державъ. Когда посланникъ Великобританіи сэръ Рутерфордъ Алькокъ откланивался принцу Кунгу, этотъ послѣдній отпустилъ его со словами: *„Сдѣлайте милость увезите съ собою опіумъ и миссіонеровъ“*. Въ этихъ словахъ заключаются два главныхъ зла, на которыя жалуется давнымъ давно китайское правительство, и нужно, къ сожалѣнію, сознатся, что положеніе его въ этихъ двухъ отношеніяхъ неуязвимо съ точки зрѣнія справедливости и права.

Опіумъ—главная статья ввоза Великобританіи въ Китай.

Его ввозятъ изъ англійской Остиндіи или съ уплатою очень высокихъ таможенныхъ пошлинъ, или въ видѣ контрабанды, въ количествѣ 80,000 ящиковъ или 6 милліоновъ килограммовъ *). Утверждаютъ, что болѣе 8.000,000 жителей Небесной имперіи потребляютъ это огромное количество опіума, высокая же цѣна этого продукта заставляетъ предполагать, что богатые и образованные классы одни въ состояніи позволить себѣ это удовольствіе. Это заключеніе подтверждается фактомъ обѣднѣнія китайскаго народа, увеличивающагося съ ужасающей скоростью. Безполезно говорить о вліяніи употребленія

*) Производство опіума въ самомъ Китаѣ незначительно. Запрещеніе этого производства не имѣетъ смысла, до тѣхъ поръ пока опіумъ ввозится англичанами.

опіума на нравственность и умственныя способности. Всякій знаетъ, что несчастные, привыкшіе курить опіумъ, не могутъ отстать отъ этой привычки, хотя сами видятъ, что съ этой привычкой связаны разстройство ихъ матеріальныхъ средствъ и прогрессивный упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ.

Насъ спросятъ, почему при такихъ обстоятельствахъ китайское правительство не запрещаетъ ввоза этого яда въ страну? Принципы международнаго права и самое примитивное понятіе о справедливости даютъ ему право и налагаютъ на него обязанность остановить систематическое отравленіе его подданныхъ.

Только одинъ отвѣтъ возможенъ: англійская торговля опіумомъ достигаетъ цифры 12-ти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и большая часть бюджета расходовъ англійской Остиндіи, около 6-ти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, покрывается вывозными пошлинами, взимаемыми съ опіума. Другими словами, китайская нація принуждена отравляться, чтобы доставлять громадные барыши англійскимъ купцамъ и покрывать расходы калькутскаго правительства! До заключенія тян-цзинскаго трактата ввозъ опіума былъ запрещенъ; его ввозили въ громадномъ количествѣ, но контрабандой. Лордъ Эльджинъ былъ лично убѣжденъ, что „зло отъ этой незаконной, развращающей торговли, трудно было бы преувеличить и что оно обезчещиваетъ въ одно и тоже время производителя, купца, таможеннаго чиновника, какъ иностранца, такъ и китайца и покупателя“ *). И несмотря на это благородный лордъ не отступилъ передъ отвѣтственностью узаконить эту контрабандную торговлю тянцзинскимъ трактатомъ, такъ какъ китайское правительство объявило, что оно не въ состояніи вполнѣ запретить его даже при помощи иностранныхъ державъ. Въ виду такого признанія, ввозъ опіума былъ санкціонированъ трактатомъ 1858 **).

---

*) Lord Elgin, Letters and Journal, стр. 278.

**) Въ послѣднее время въ англійской періодической печати поднялась полемика по вопросу о томъ: принудилъ ли лордъ Эльджинъ въ 1858 году китайское правительство узаконить торговлю опіумомъ или нѣтъ? Бывшій секретарь лорда Эльджина Олифантъ утверждаетъ, что сами китайскіе уполномоченные не желали,

Несмотря на все уваженіе, которое мы питаемъ къ возвышеннымъ взглядамъ лорда Эльджина, намъ кажется, что способъ защиты его поведенія совсѣмъ неудаченъ. Твердое и искреннее рѣшеніе цивилизованныхъ державъ способствовать китайскому правительству въ преслѣдованіи торговли опіумомъ произвело бы, по крайней мѣрѣ, самое лучшее впечатлѣніе на китайскій народъ. Запрещеніе, со стороны англійскаго правительства, ввоза въ Китай опіума и твердое намѣреніе преслѣдовать всякое нарушеніе этого правила, конечно, положило бы конецъ систематическому отравленію цѣлаго народа; во всякомъ случаѣ, стоило бы сперва сдѣлать попытку въ этомъ смыслѣ, прежде чѣмъ утверждать, что невозможно уничтожить столь постыдную торговлю, „даже при помощи иностранныхъ державъ". Одно *нравственное* вліяніе запрещенія такой торговли, со стороны Англіи, имѣло бы уже самыя хорошія послѣдствія на всѣ отношенія Европы съ Китаемъ.

Въ настоящее время англійское правительство не только не запрещаетъ этой торговли, но охраняетъ ее, несмотря на жалобы китайскаго правительства и энергическіе протесты многихъ государственныхъ людей Англіи. При такихъ обстоятельствахъ, пекинское правительство совершенно не въ состояніи положить какія-нибудь преграды отравленію своего народа; не будучи хозяиномъ на своей собственной землѣ, не имѣя права запретить ввоза опіума, оно принуждено присутствовать, въ качествѣ нѣмаго зрителя, при нравственной и матеріальной гибели своего населенія. И вдругъ та держава, которая является представительницей европейской цивилизаціи въ Китаѣ, по преимуществу, защищаетъ такую унизительную и постыдную тор-

чтобы въ тянь-цзинскомъ трактатѣ привозъ опіума былъ бы запрещенъ. Лэй, бывшій драгоманъ лорда Эльджина, утверждаетъ тоже самое. Но знаменитый синологъ Легге и секретарь „англо-восточнаго общества для прекращенія торговли опіумомъ" (The Anglo-Oriental Society for the Suppression of the Opium Trade) Тэрнеръ придерживаются прямо противоположнаго мнѣнія и доказываютъ его неопровержимыми фактами, между прочимъ, свидѣтельствомъ сэра Рутерфорда Алькока, бывшаго представителемъ Англіи при пекинскомъ дворѣ. Послѣдній объявилъ, что „Англія *принудила* китайское правительство заключить договоръ, обезпечившій за его подданными возможность употреблять опіумъ". (Смотри любопытную переписку между названными лицами въ „The London and China Telegraph" отъ 30-го октября сего года).

говлю! Торговля опіумомъ занимаетъ первое мѣсто въ тѣхъ международныхъ отношеніяхъ, посредствомъ которыхъ благородные принципы христіанской цивилизаціи должны быть привиты къ Китаю!

Практическія послѣдствія такого порядка вещей очевидны. Всякій китаецъ, любящій свою родину, каждый китайскій чиновникъ, если онъ проникнутъ сознаніемъ своихъ обязанностей къ народу, даже вся китайская нація—принуждены питать непримиримую ненависть къ европейской цивилизаціи и ея представителямъ въ Китаѣ, которые предполагаютъ, посредствомъ отравленія, распространить блага высшей культуры. Мы говоримъ, что эта ненависть китайцевъ распространяется на всѣхъ иностранцевъ или на всѣхъ „заморскихъ дьяволовъ“, потому что китайцы смѣшиваютъ всѣ европейскія и американскія націи, за исключеніемъ Россіи. Торговля опіумомъ не касается, такимъ образомъ, *исключительно* Великобританіи, которая взяла ее подъ свою охрану: нѣтъ, она имѣетъ *всемірное* значеніе, такъ какъ ненависть, возбужденная этой торговлей въ сердцахъ всѣхъ ученыхъ китайцевъ и всякаго истиннаго патріота одинаково направлена на подданныхъ всѣхъ другихъ христіанскихъ державъ. Такое всемірное значеніе торговли опіумомъ привлекаетъ вниманіе еще съ другой точки зрѣнія.

Лица, знакомыя съ Китаемъ, вслѣдствіе многолѣтняго въ немъ пребыванія, говорили намъ, что обѣдненіе населенія этой страны страшно возрастаетъ. Этотъ фактъ объясняется двумя главными причинами: 1) употребленіемъ опіума и 2) прогрессивнымъ упадкомъ промышленности и торговли китайцевъ. Опіумъ постепенно уничтожаетъ интеллектуальныя силы народа, и потребители его, которые главнымъ образомъ принадлежатъ къ образованнымъ классамъ общества, неизбѣжно разоряются. Вмѣстѣ съ тѣмъ наводненіе китайскаго рынка произведеніями англійскихъ и американскихъ мануфактуръ должно было убить національную промышленность и торговлю. Нельзя оспаривать ни упадка китайской промышленности, ни систематическаго захвата иностранцами тѣхъ отраслей торговли, которыя до того времени находились въ рукахъ самихъ туземцевъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, для каждаго будетъ ясно,

что не одни только неоспоримыя права китайскаго правительства требуютъ запрещенія торговли опіумомъ; не интересы высшаго порядка и не одно нравственное достоинство налагаютъ на англійское правительство обязанность преслѣдовать закономъ и административною властью эту торговлю; не одни только святые интересы христіанской цивилизаціи возмущаются противъ принудительнаго отравленія цѣлой націи, имѣющей несчастіе быть языческой и слишкомъ слабой; нѣтъ, всѣ державы цивилизованнаго міра, имѣющія какія-либо отношенія съ Китаемъ, должны настаивать на прекращеніи торговли, которая во всемъ свѣтѣ признается постыдной и противной принципамъ нравственности и права.

Остается еще одинъ аргументъ, самый сильный и наиболѣе убѣдительный, можетъ быть, для нашего вѣка: чѣмъ болѣе будетъ ввозиться опіума въ Китай, чѣмъ болѣе станутъ отравлять китайскій народъ, тѣмъ онъ скорѣе обѣднѣетъ и потеряетъ качество хорошаго покупателя. Народъ, поверженный въ нищету и доведенный до скотскаго состоянія, перестаетъ считаться въ числѣ желанныхъ потребителей всемірнаго рынка.

Мы понимаемъ теперь, почему глава китайскаго правительства умолялъ представителя Великобританіи увезти съ собой опіумъ.

Вопросъ о миссіонерахъ въ Китаѣ неразрывно связанъ съ вопросомъ объ опіумѣ. Медгерстъ утверждаетъ, что неуспѣхъ христіанской пропаганды въ Китаѣ объясняется, по большей части, торговлею опіумомъ, которая нейтрализуетъ усилія миссіонеровъ не только прямо по отношенію къ самимъ жертвамъ, но также вслѣдствіе ненависти и подозрительности ко всему иностранному, порождаемымъ этой торговлей въ туземцахъ *). Существуетъ еще болѣе тѣсная связь между этими двумя вопросами: какъ торговля опіумомъ находитъ себѣ объясненіе только въ злоупотребленіи силой, такъ равнымъ образомъ положеніе миссіонеровъ въ Китаѣ есть отрицаніе неоспоримыхъ правъ территоріальнаго правительства.

---

*) Medhurst, The Foreigner in Far Cathay, p. 41. Авторъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ былъ британскимъ консуломъ въ Шанхаѣ.

Нынѣ существующее положеніе въ Китаѣ христіанскихъ миссій и конгрегацій было создано лишь въ 1858 году тянцзинскимъ трактатомъ. Весь китайскій народъ отличается самымъ абсолютнымъ индефирентизмомъ въ дѣлахъ вѣры. Христіанская религія извѣстна въ Китаѣ съ VII-го столѣтія; исламъ — съ половины XI-го и іудейство — съ XIV-го. Кромѣ этихъ вѣроисповѣданій, въ Китаѣ существуетъ еще нѣсколько религій, но думаютъ, что большинство китайской націи принадлежитъ буддизму и даосизму *). Благодаря этому, китаецъ никогда не считаетъ себя въ правѣ посягать на свободу совѣсти другого. Можно было бы по справедливости сказать, что Китай—классическая страна свободы совѣсти.

Христіанская вѣра проповѣдывалась въ продолженіи многихъ столѣтій въ Срединной имперіи, безъ всякихъ препятствій со стороны китайскаго правительства. Всѣмъ извѣстна та видная роль, которую играли іезуиты при дворѣ императора Кан-Си. Ихъ интриги и вмѣшательства въ управленіе страной вызвали противъ нихъ и противъ всей христіанской церкви репрессивныя мѣры со стороны китайскаго правительства. Это положеніе совершенно измѣнилось въ 1858 году. Китай былъ принужденъ не только терпѣть пропаганду христіанской религіи, но еще взять ее подъ свою спеціальную охрану.

Статья 13-я трактата, заключеннаго въ Тян-Цзинѣ между Китаемъ и Франціей, гласитъ слѣдующее: „Такъ какъ главный предметъ христіанской религіи есть обращеніе людей къ добродѣтели, то послѣдователи всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій будутъ пользоваться полной личной и имущественной безопасностью и свободой отправленія своихъ религіозныхъ обрядовъ, а равно будетъ оказано дѣйствительное покровительство миссіонерамъ, которые могутъ мирно направляться внутрь страны, запасшись паспортами. Администрація китайской имперіи не будетъ никому препятствовать пользоваться правомъ, которое предоставлено каждому въ Китаѣ, принять, по собственному желанію, христіанство и отправлять его обряды, не подвергаясь за это никакому наказанію“. Статья 6-я дополнительной

*) Сравни замѣчательное сочиненіе проф. Васильева. — Религія Востока. Конфуціонство, буддизмъ и даосизмъ. Спб. 1873.

конвенціи, заключенной въ Пекинѣ въ 1860 году съ Франціей, прибавляетъ, что „духовныя и богоугодныя учрежденія, которыя были конфискованы у христіанъ во время преслѣдованій, будутъ возвращены ихъ собственникамъ вмѣстѣ съ кладбищами и другими принадлежащими къ нимъ зданіями“.

Такого рода постановленія трактатовъ имѣли то практическое послѣдствіе, что, по убѣжденію всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ современное положеніе Китая, нужно, какъ можно скорѣе, покончить „съ вопросомъ о миссіонерахъ“, если желательно предупредить серьезныя усложненія. Необходимо различать миссіи протестантскія отъ католическихъ.

Протестантскіе миссіонеры поселяются въ открытыхъ портахъ, строютъ себѣ европейскіе дома въ колоніяхъ или не подалеку отъ нихъ и живутъ болѣе или менѣе въ обществѣ иностранцевъ. Китайцы убѣждены, что они занимаются торговлей. Будучи женатыми, они не могутъ исключительно посвящать себя обязанностямъ миссіонеровъ, а китайцы не питаютъ къ нимъ необходимаго уваженія, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, целибатъ — одно изъ главныхъ условій самоотреченія.

Католическіе миссіонеры гораздо популярнѣе и ихъ дѣятельность гораздо замѣчательнѣе. Они совершенно иначе брались за дѣло пропаганды, чѣмъ протестанты.

„Ихъ система, говоритъ Медгерстъ, состоитъ въ томъ, чтобы съ самаго начала проникнуть какъ можно далѣе въ глубь страны, избѣгать всякаго сближенія съ иностранными купцами, переодѣться китайцами и работать безъ устали, скрытно, въ разныхъ станціяхъ, устроенныхъ ихъ братьями въ давнее время, иногда за нѣсколько столѣтій“. Всѣ признаютъ ихъ самоотверженіе и удивляются той энергіи и страстной дѣятельности, съ которыми они исполняютъ свое апостольское служеніе.

Нельзя, однако, упустить изъ виду и обратную сторону медали. Католическіе миссіонеры находятся подъ исключительнымъ и энергическимъ покровительствомъ французскаго правительства.

Вышеупомянутыя статьи трактатовъ создали для миссіонеровъ положеніе, хотя и привиллегированное, но также очень опасное, особенно если они захотятъ злоупотреблять правами, признанными за ними. Католическіе священники, принужденные

жить въ уединеніи, позволили себѣ требовать возвращенія конфискованныхъ уже давнымъ давно, по политическимъ причинамъ, имуществъ, специально тѣхъ восмидесяти домовъ, въ которыхъ издавна помѣщались китайскія школы; они воздвигли церкви въ такихъ мѣстахъ, гдѣ того не дозволяли предразсудки китайцевъ. Кромѣ того, они присвоили себѣ право юрисдикціи надъ туземцами, исповѣдующими ихъ вѣру; они приписываютъ себѣ внутри Китая полуоффиціальное положеніе, равное съ мандаринами; они не признаютъ власти китайскаго правительства по отношенію къ его подданнымъ—христіанамъ и стараются защищать ихъ отъ законныхъ требованій мѣстной администраціи, побуждая неплатить подати; наскучаютъ китайской администраціи и, при удобномъ случаѣ, требуютъ преувеличеннаго вознагражденія; наконецъ, они стараются избавить китайцевъ-христіанъ отъ подсудности мѣстнымъ судамъ. Однимъ словомъ, католическіе миссіонеры составляютъ теперь государство въ государствѣ и, къ сожалѣнію, протестантскіе ихъ собратья иногда стремятся занять тоже положеніе

Само собою разумѣется, что католическіе миссіонеры не могли бы такъ злоупотреблять статьями трактатовъ, если бы они не находили постоянной поддержки во французскихъ посольствѣ и консульствахъ въ Китаѣ.

Въ прежнее время, чѣмъ болѣе французское правительство подпадало клерикальнымъ вліяніямъ, тѣмъ охотнѣе самыя преувеличенныя требованія миссіонеровъ находили себѣ покровительство среди его дипломатовъ и консуловъ. Что касается представителей другихъ державъ, аккредитованныхъ при пекинскомъ дворѣ, то вообще они проявляли больше независимости и справедливости по отношенію къ чрезмѣрнымъ требованіямъ миссіонеровъ.

Представитель Россіи никогда не былъ прямо заинтересованъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ пропаганда православной вѣры очень незначительна, члены же духовной миссіи въ Пекинѣ никогда не позволяютъ себѣ не признавать власти китайскаго правительства надъ его подданными. Министры Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки всегда сознавали опасность, представляемую вопросомъ о миссіонерахъ для личной безопасности всѣхъ иностранцевъ въ Китаѣ. Лордъ Эльд-

жинъ, принимая въ 1858 г. депутацію отъ протестантскихъ миссіонеровъ въ Шанхаѣ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Христіанскія націи требуютъ для своихъ подданныхъ или гражданъ, пребывающихъ на востокѣ привилегіи экстерриторіальности. *Поэтому онѣ обязаны, если хотятъ расширить свои права пребыванія и торговли, остерегаться злоупотреблять этими исключительными привилегіями въ ущербъ даровавшей имъ странѣ*". Благородный лордъ прибавилъ, что, къ сожалѣнію, цивилизованныя правительства не всегда были проникнуты этой обязанностью и что, оставляя безнаказанными злоупотребленія и преступленія, они дискредитировали имя христіанина и вселили въ нехристіанскихъ народахъ небывалую дотолѣ ненависть къ иностранцамъ. Въ особенности, принятіе въ лоно церкви не должно было бы влечь за собою надежду пріобрѣсти такимъ способомъ выгоды ненормальнаго и незаконнаго покровительства.

Сэръ Фредерикъ Брюсъ, меньшой братъ лорда Эльджина, занимавшій впродолженіи многихъ лѣтъ, съ отличіемъ, высокій постъ представителя Великобританіи при пекинскомъ дворѣ, и сэръ Томасъ Вэдъ, теперешній посланникъ Англіи въ Китаѣ, выразились въ томъ же смыслѣ.

Безполезно приводить свидѣтельства еще другихъ лицъ, чтобы показать, что претензіи миссіонеровъ не могутъ быть защищаемы ни на основаніи международныхъ трактатовъ, ни въ силу принциповъ естественнаго или международнаго права. Вотъ почему было довольно трудно опровергнуть доводы китайскаго меморандума, отъ 9-го февраля 1871 года, въ которомъ пекинское правительство въ особенности жаловалось на образъ дѣйствій католическихъ миссіонеровъ.

Допуская даже, что китайское правительство въ своемъ знаменитомъ меморандумѣ представило дѣятельность миссіонеровъ въ преувеличенно мрачномъ видѣ, мы всетаки должны признаться, что обвиненія, взведенныя на нихъ, не безосновательны. Вполнѣ достовѣрно, что успѣхъ католической пропаганды главнымъ образомъ объясняется обѣщаніями миссіонеровъ и тѣми выгодами, которыми пользуются крещеные туземцы; эти послѣдніе знаютъ, что они найдутъ въ миссіонерахъ могущественныхъ защитниковъ противъ произвола правительства.

Такой порядокъ вещей, очевидно, не можетъ продолжаться: каждую минуту въ Срединной имперіи можетъ произойти взрывъ противъ всѣхъ христіанъ какъ иностранцевъ, такъ и китайцевъ. Вообще китайцы не питаютъ ненависти къ чужеземному; ихъ добрый и робкій характеръ этому противится. Но проповѣдь христіанской вѣры, при столь несправедливыхъ условіяхъ, и то презрѣніе миссіонеровъ и ихъ высокопоставленныхъ покровителей, съ которымъ они относятся къ учрежденіямъ и независимости страны, сильно раздражаютъ мандариновъ и ученыхъ, т. е. самые вліятельные классы. Китайцы равнодушны къ вопросамъ вѣры, но они никогда не простятъ тѣмъ, кто оскорбляетъ ихъ обычаи, ихъ національное государственное устройство, ихъ предразсудки и самолюбіе.

Было бы трудно, въ настоящее время, сказать, какими практическими мѣрами можно было бы дать удовлетвореніе законнымъ неудовольствіямъ правительства и тѣмъ предупредить всеобщій взрывъ. Намъ кажется, что при разсмотрѣніи этого вопроса не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующія два условія: 1) христіанскія правительства не будутъ въ состояніи вдругъ перемѣнить фронтъ и совершенно оставить миссіонеровъ и христіанскія общины на произволъ мандариновъ и пекинскаго правительства; 2) христіанскія державы, признавая за миссіонерами право на ихъ покровительство, будутъ вынуждены поставить дѣятельность этихъ послѣднихъ въ такія границы, чтобы она болѣе согласовалась съ интересами цивилизованныхъ націй въ Китаѣ, а равно и съ властью китайскаго правительства надъ его подданными въ предѣлахъ его территоріи. Удовлетворивъ этимъ двумъ условіямъ, можно будетъ, съ одной стороны, уничтожить въ китайцахъ убѣжденіе, что крещеніе избавляетъ ихъ отъ подчиненія своему правительству, съ другой же стороны, воспрепятствовать систематическому попранію неотъемлемыхъ правъ Китая католическими и протестантскими миссіонерами. Но до тѣхъ поръ пока будетъ продолжаться современный порядокъ вещей, до тѣхъ поръ пока миссіонеры будутъ составлять status in statu, пока они будутъ вмѣшиваться въ отношенія китайскаго правительства къ своимъ подданнымъ, всѣ иностранцы будутъ жить на сто-

рожѣ и ни ихъ личная, ни имущественная безопасность не гарантированы противъ ужаснаго взрыва. Китайское правительство, если оно чистосердечно желаетъ предупредить этотъ взрывъ и жить въ мирѣ съ христіанскими націями, будетъ повторять цивилизованнымъ правительствамъ вышеупомянутыя слова: „Избавьте насъ отъ миссіонеровъ“.

V.

Теперь намъ будетъ уже не трудно составить себѣ точное понятіе о всемірномъ значеніи современнаго столкновенія между Россіей и Китаемъ. Выведенныя нами факты и свидѣтельства самыхъ компетентныхъ лицъ единогласно подтверждаютъ, что давнымъ давно существуетъ кризисъ въ отношеніяхъ между Китаемъ, съ одной стороны, и державами западной Европы и Соединенными Штатами Сѣверной Америки, съ другой. Нынѣшнее столкновеніе никогда не возникло бы между Россіей и Срединной имперіей, если бы китайцы не были вынуждены ненавидѣть иностранцевъ, презирать европейскую цивилизацію и стремиться всѣми силами къ освобожденію родной земли отъ людей, постоянно осмѣивающихъ ихъ самые дорогіе обычаи и неуважающихъ самыя неоспоримыя права.

Другими словами, столкновеніе между Россіей и Китаемъ ничто иное, какъ несчастное послѣдствіе того обращенія, которому подвергалась Срединная имперія со стороны другихъ цивилизованныхъ державъ и несправедливыхъ войнъ, веденныхъ противъ нея. По нашему мнѣнію, лучшимъ средствомъ для улаженія этого столкновенія было бы внять просьбѣ принца Кунга: прекратить торговлю опіумомъ и избавить китайскую націю отъ миссіонеровъ. Россія имѣетъ несчастье служить поводомъ къ возникновенію кризиса, послѣдствія котораго неисчислимы. Во всякомъ случаѣ, нужно имѣть въ виду, что такъ какъ причины кризиса кроются въ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ, то и кризисъ не ограничится одной Россіей, сила вещей придастъ этому столкновенію всеобщій характеръ, и всѣ международныя сношенія съ Китаемъ по необходимости измѣнятся въ самомъ корнѣ. Этотъ выводъ есть составная изъ тѣхъ силъ, которыя до сихъ поръ дѣйствовали въ сношеніяхъ съ

Китаемъ. Онъ основанъ главнымъ образомъ на отношеніяхъ дружбы и добраго сосѣдства, существовавшихъ впродолженіи двухъ вѣковъ между Россіей и Небесной имперіей. Наконецъ, этотъ выводъ получаетъ первенствующее значеніе, если обратить вниманіе на случайныя причины, породившія между двумя державами настоящее столкновеніе.

Трактатъ, подписанный въ октябрѣ 1879 года въ Ливадіи, до сихъ поръ не былъ оффиціально опубликованъ, хотя въ журналахъ и былъ напечатанъ актъ изъ 18 статей, по слухамъ соотвѣтствующій тому, который пекинское правительство отказалось ратификовать. Мы не можемъ высказать свое мнѣніе по вопросу о подлинности опубликованнаго акта, да и находимъ въ настоящее время излишнимъ останавливаться на этомъ вопросѣ *).

Впрочемъ всякій знаетъ, что камнемъ преткновенія для ливадскаго трактата послужило обладаніе Кульджей и что возвращеніе этой провинціи на продиктованныхъ Россіей условіяхъ возбудило всю военную партію въ Пекинѣ съ знаменитымъ генераломъ Цзо-Цзун-Тангомъ во главѣ. Но при этомъ вообще замѣтно незнакомство съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ упомянутая область была занята Россіей.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія китайцы, послѣ упорной борбы, овладѣли Дзунгаріей, называемой ими *Тянь-Шань-Пелу*, равно какъ и восточной частію Туркестана. Эти двѣ области были соединены въ одну Илійскую провинцію, наименованную такъ по рѣкѣ, носящей тоже названіе. Главнымъ городомъ ея является Кульджа, почему впослѣдствіи очень часто это названіе переносилось на всю провинцію. Населеніе провинціи состояло по большей части изъ монголовъ (дзунгаровъ), таранчей и мусульманскихъ дунганъ. Эти послѣдніе питали всегда непримиримую ненависть къ китайцамъ, которые заставляли ихъ выносить всевозможныя вымогательства, преслѣдова-

---

*) Эти строки были написаны въ Баденъ-Баденѣ, въ августѣ, въ то время, когда маркизъ Цзенгъ уже прибылъ въ С.-Петербургъ для возобновленія дипломатическихъ переговоровъ.

нія и жестокости. Нескончаемая борьба опустошала эту богатую страну, а страшная рѣзня сокращала численность населенія. Естественно, что во время войны съ тайпингами, которая, съ 1850 до 1855 года, опустошила самыя богатыя провинціи Китая, возстанія возникали во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи. Въ 1862 году тронъ манчьжурской династіи, нынѣ царствующей въ Китаѣ, былъ серьезно расшатанъ тайпингами, учредившими свое правительство въ Нанкинѣ, второй столицѣ Китая. Тогда возстали дунгане Илійскаго края противъ Китая; въ 1865 году имъ удалось изгнать изъ своей страны китайцевъ и установить независимое правительство съ правителемъ изъ туземцевъ. Отвоевавъ обратно всю провинцію Тянь-Шань-Пелу, побѣдоносные дунгане бросились на восточный Туркестанъ и заняли, между прочимъ, города Кучу, Аксонъ и Яркандъ. Китайскія войска терпѣли со стороны мятежниковъ одну неудачу за другой, а движеніе между мусульманскимъ населеніемъ этихъ странъ приняло угрожающіе размѣры. Китайское правительство не было въ состояніи возстановить власть свою надъ дунганами, даже послѣ того, какъ ему удалось, при помощи иностранныхъ легіоновъ (европейскихъ и американскихъ), положить конецъ войнѣ съ тайпингами.

Эти обстоятельства позволили дунганамъ установить свое собственное правительство въ Кульджѣ, а Китай потерялъ всякую власть въ этой странѣ.

Россія оставалась, впродолженіи многихъ лѣтъ, простой зрительницей этой борьбы, хотя ея торговля съ внутреннимъ Китаемъ, гарантированная трактатами, почти совершенно прекратилась; но такое состояніе не могло продолжаться.

Дунганское правительство въ Кульджѣ не имѣло никакой устойчивости: убіенія дунганскихъ правителей, внутреннія междоусобія между разными партіями не прекращались, а спокойствіе въ этихъ пограничныхъ съ Россіей областяхъ постоянно нарушалось. Это положеніе сдѣлалось подъ конецъ невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что силою обстоятельствъ Россія подвигалась все дальше въ глубь центральной Азіи. Такія замѣшательства на границѣ и непрестанное движеніе мусульманскаго населенія въ восточной Азіи постоянно угрожали безопасности

туркестанскаго генералъ-губернаторства и всѣхъ вообще русскихъ владѣній въ центральной Азіи.

Русское правительство многократно обращало вниманіе пекинскаго правительства на положеніе кульджинской области. Оно напоминало китайцамъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ этимъ странамъ и, кромѣ того, на дѣлѣ выказывало свое намѣреніе подать имъ руку помощи.

Россія помнила, что въ XVII столѣтіи она отказалась отъ завоеванія Албазина, потому что тогда сознавала свое безсиліе поддержать порядокъ въ Амурской области и гарантировать безопасность границъ своего сосѣда. Но въ промежуткѣ времени отъ 1865 до 1875 года китайское правительство было слишкомъ озабочено возстановленіемъ порядка во внутреннихъ своихъ областяхъ и не было въ состояніи вести серьезную борьбу съ дунганами.

При такихъ обстоятельствахъ, Россія рѣшилась на энергическій шагъ: она сама взяла на себя возстановить порядокъ на своихъ границахъ и обезпечить безопасность въ своихъ владѣніяхъ. Генералъ Колпаковскій занялъ въ іюлѣ 1871 года Кульджинскую область, а благодаря его рѣшительнымъ мѣрамъ порядокъ былъ скоро возстановленъ. Пекинскій дворъ тотчасъ же получилъ всѣ нужныя объясненія о мотивахъ, заставившихъ дѣйствовать С.-Петербургское правительство. Ему было сообщено, что въ виду безсилія или нежеланія китайскаго правительства возстановить порядокъ въ Илійскомъ краѣ и постоянныхъ набѣговъ дунганъ на русскую территорію, равно какъ и нападеній ихъ на русскихъ купцовъ, безопасность которыхъ была гарантирована китайскимъ правительствомъ, Россія вынуждена была занять Кульджу. Въ тоже самое время пекинскій дворъ получилъ завѣренія, что Россія не имѣетъ намѣренія окончательно завладѣть этой провинціей, но положительно обѣщаетъ возвратить ее, когда порядокъ будетъ возстановленъ, а безопасность пограничныхъ русскихъ владѣній будетъ обезпечена на будущее время. Пекинскій дворъ принялъ этотъ отвѣтъ къ свѣдѣнію.

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ китайцы воздерживались затрогивать этотъ вопросъ. Они расчитывали, что Россія скорѣе будетъ въ состояніи возстановить порядокъ въ Кульджѣ, чѣмъ ман-

дарины и ихъ солдаты. Но образъ дѣйствій китайцевъ кореннымъ образомъ измѣнился въ 1876 году, когда они убѣдились, что въ Илійскомъ краѣ царствуетъ совершенное спокойствіе и что дунгане добровольно подчинились русской власти. Быстрый успѣхъ китайцевъ въ Кашгарѣ, который имъ удалось завоевать обратно болѣе посредствомъ интригъ и подкуповъ, чѣмъ военныхъ побѣдъ генерала Цзо-Цзун-Танга, сдѣлалъ ихъ еще надменнѣе.

Пекинское правительство равнымъ образомъ очень ловко воспользовалось усложненіями, вызванными восточнымъ вопросомъ. Оно потребовало возвращенія Кульджи. Такъ какъ это возвращеніе не послѣдовало тотчасъ же и безусловно, то китайское правительство начало дѣлать всевозможныя затрудненія нашей торговлѣ и не удовлетворяло ни одной изъ самыхъ справедливыхъ жалобъ купцовъ.

На всѣ требованія китайцевъ Россія могла давать одинъ только отвѣтъ, что она вполнѣ признаетъ право китайскаго правительства на Кульджу и что она готова возвратить эту провинцію, при томъ условіи, если Китай вознаградитъ русское правительство за расходы, понесенные по управленію страной, въпродолженіи многихъ лѣтъ, и дастъ достаточныя гарантіи въ безопасности русскихъ владѣній на будущее время. Пекинскій дворъ, казалось, согласился съ справедливостью такого отвѣта; онъ отправилъ въ С.-Петербургъ Чунхоу, одного изъ самыхъ высшихъ сановниковъ и родственника царствующаго императора. Полномочія, переданныя посломъ богдыхана С.-Петербургскому кабинету, равно какъ его образъ дѣйствій во время переговоровъ, не могли возбудить ни малѣйшаго сомнѣнія въ серьезности и осторожности характера Чунхоу, ни въ его правѣ подписать трактатъ отъ имени китайскаго правительства. Несмотря на все это, трактатъ, выработанный послѣ весьма долгихъ переговоровъ, въпродолженіи которыхъ китайскій уполномоченный постоянно прямо сносился съ своимъ правительствомъ, не былъ ратификованъ богдыханомъ.

Само собой разумѣется, что нельзя оспоривать права пекинскаго правительства отказать въ утвержденіи международнаго трактата. Это право признано европейскимъ международ-

нымъ правомъ, и сами китайцы имѣли случай убѣдиться, на дѣлѣ, что нѣкоторыя цивилизованныя державы не только отказываются ратификовать трактатъ, заключенный съ Китаемъ, но даже обращаютъ въ свою пользу излишнюю поспѣшность въ исполненіи постановленій этого самого трактата со стороны пекинскаго правительства.

Однако, мотивы, выставляемые пекинскимъ дворомъ, для объясненія своего отказа, крайне мелочны. Пекинскій дворъ доказываетъ, что Чунхоу превысилъ свои полномочія и что ливадскій трактатъ — первый международный актъ, касающійся Китая, подписанный не на китайской землѣ. Что касается перваго мотива, онъ нисколько не убѣдителенъ; въ виду полномочій, переданныхъ китайскимъ посломъ, нельзя было сомнѣваться въ его правѣ заключить какой угодно трактатъ. Второй мотивъ еще неудачнѣе, такъ какъ китайское правительство само отправило Чунхоу въ С.-Петербургъ.

Вполнѣ достовѣрныя извѣстія изъ Пекина подтверждаютъ, что ливадскій трактатъ былъ только удобнымъ предлогомъ для военной или національной партіи пекинскаго двора вызвать общій кризисъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами: видно намѣреніе дать волю чувству ненависти, которымъ проникнутъ китайскій народъ. Эта партія, съ знаменитымъ генераломъ Цзо-Цзун-Тангомъ во главѣ, на военный геній котораго она сильно расчитываетъ, прекрасно понимаетъ, что если ей удастся вызвать кровавое столкновеніе съ Россіей, то ей будетъ гораздо легче произвести всеобщее избіеніе иностранцевъ, живущихъ въ Китаѣ, въ особенности когда будетъ опрокинута миролюбивая партія при пекинскомъ дворѣ, признающая своимъ главой принца Кунга.

Расчеты военной партіи не осуществятся, мы въ этомъ убѣждены, и войны между Россіей и Китаемъ не будетъ. Гарантіей тому служитъ миссія маркиза Цзенга въ С.-Петербургъ. Этотъ послѣдній долженъ будетъ признать справедливость требованій Россіи по отношенію къ Кульджѣ и въ столицѣ Россійской имперіи убѣдиться въ твердой рѣшимости императорскаго правительства никогда не отказываться отъ своихъ правъ и въ невозможности для него пожертвовать своимъ обаяніемъ въ Азіи.

Ливадскій трактатъ признаетъ справедливость этихъ требованій, и только на этой базѣ могутъ имѣть мѣсто дипломатическіе переговоры. Дѣйствительно, чтобы безпристрастно судить о положеніи, занятомъ Россіей въ этомъ вопросѣ, съ точки зрѣнія международной, нужно принять въ соображеніе слѣдующія соображенія:

1) Принципы международнаго права не могутъ быть примѣнены безусловно къ государствамъ крайняго востока, въ особенности къ Китаю. Китайцы не вполнѣ понимаютъ юридическіе принципы, на которыхъ основываются отношенія между цивилизованными народами. Въ Европѣ государство, принимающее на себя какія-либо обязательства, обязано ихъ исполнить. Конечно, оно можетъ уклониться отъ ихъ исполненія, прибѣгнуть къ силѣ и разорвать трактатъ. Но эта *ultima ratio* есть крайность, составляющая исключеніе. Обыкновенно основой международныхъ отношеній полагается вѣрность принятымъ на себя обязательствамъ. Въ Азіи и въ Китаѣ наоборотъ: щадить иностранца постыдно, въ особенности когда этотъ послѣдній самъ не щадитъ никого и смѣется надъ самыми неотъемлемыми правами. Чѣмъ болѣе такая ненависть укоренилась въ средѣ азіатскаго народа, тѣмъ болѣе требуется *матеріальныхъ обезпеченій* для исполненія международныхъ обязательствъ.

2) Россія, объявивъ, что она займетъ временно Кульджу, пока китайское правительство не будетъ въ состояніи возстановить свою власть въ этой провинціи, очевидно далека была отъ мысли разыграть роль слуги или привратника китайскаго правительства. Такая роль недостойна великой державы. Русское правительство имѣло въ виду лишь безопасность своихъ собственныхъ владѣній; обѣщая возвратить Кульджу, когда китайское правительство будетъ въ состояніи возстановить тамъ свою власть, оно преслѣдовало туже цѣль.

Отсюда слѣдуетъ, что условіемъ возвращенія должно было быть установленіе въ Кульджѣ китайской власти, которая имѣла бы твердое намѣреніе и возможность обезпечить безопасность международныхъ сношеній съ Россіей и спокойствіе въ пограничныхъ нашихъ владѣніяхъ. Однако, дѣло представляется въ

пном свѣтѣ. Китайское правительство, пока оно будетъ подъ вліяніемъ военной партіи, не представитъ и слабаго обезпеченія въ томъ, что оно имѣетъ намѣреніе и обладаетъ силой, дабы заставить уважать принятыя имъ обязательства по отношенію къ Россіи. Послѣдствіемъ несправедливостей, введенныхъ въ трактаты, которые были навязаны Китаю грубой силой, является стремленіе китайской націи ниспровергнуть всѣ международныя свои обязательства.

Кромѣ того, вступленіе китайцевъ въ Кульджу, безъ сомнѣнія, было бы ознаменовано избіеніемъ всего возставшаго населенія. Вѣсть о возвращеніи Кульджи произвела всеобщую панику среди этихъ племенъ, безгранично ненавидящихъ китайцевъ. Таранчи уже объявили русскимъ властямъ, что они никогда не подчинятся китайцамъ и что они оставятъ край вслѣдъ за нашими войсками. Что касается дунганъ, которые гораздо воинственнѣе, то они говорятъ, что китайцы стремятся не подчинить ихъ, а завладѣть ихъ страной, долиной Или. „Если мы покинемъ страну, объявили они, китайцы сейчасъ же займутъ ее и никогда уже не возвратятъ намъ нашей родины. Если, наоборотъ, мы останемся на мѣстѣ, иммиграція китайцевъ массами сдѣлается невозможной и слѣдовательно намъ будетъ легче вести съ ними борьбу. Мы не знаемъ, каковъ будетъ исходъ этой новой борьбы, но лучше погибнуть, чѣмъ видѣть наше отечество въ рукахъ нашего вѣковаго врага“. Такіе планы дунганъ начинаютъ уже осуществляться, такъ какъ дунгане и таранчи образовали уже банды, чтобы сопротивляться китайскимъ войскамъ, когда они войдутъ въ Кульджу, по выступленіи русскихъ.

Эти факты доказываютъ, какъ было бы трудно русскому правительству возвратить Кульджу Китаю. Честь Россіи не позволяетъ ей отдать на произволъ мести китайцевъ цѣлыя племена и беззащитныхъ людей, которые, впродолженіи, девяти лѣтъ, пользовались ея покровительствомъ. Самые существенные интересы Россіи требуютъ, чтобы она предупреждала новыя вторженія переселенцевъ на русскую территорію и новыя безпорядки на своихъ границахъ, безпорядки, которые, кромѣ того, могутъ вызвать опасныя коллизіи съ самими китайцами.

Всѣ эти соображенія вполнѣ доказываютъ, по нашему мнѣнію, *право и обязанность* русскаго правительства: 1) требовать отъ Китая *положительныхъ* гарантій въ томъ, что дунгане и другія племена не будутъ преданы избіенію, что неприкосновенность нашей границы не будетъ нарушена и что Россія, возвративъ Кульджу, будетъ пользоваться миромъ и спокойствіемъ на своей границѣ; 2) добиться, чтобъ китайское правительство доказало твердое намѣреніе исполнить свои международныя обязательства и дать удовлетвореніе тѣмъ русскимъ подданнымъ которые, съ древнихъ поръ, предъявляютъ къ нему какія либо требованія. Очевидно, Россія никогда не согласится возвратить Кульджу непріязненному государству. Китай, впродолженіи двухъ вѣковъ, былъ другомъ Россіи; Кульджа можетъ быть возвращена только дружественному государству. Пекинское правительство *никогда силой* не добьется возвращеніи этого края.

Ясно, почему ливадскій трактатъ долженъ былъ дать Россіи положительныя гарантіи, и почему, при уступкѣ территоріи, позволеніе обезумѣвшему отъ страха населенію перейти на русскую землю, является, въ данномъ случаѣ, наилучшей гарантіей. Всякій пойметъ, почему наше правительство никогда не согласится уступить по этому пункту, т. е. не согласится отказаться отъ установленія безопасности своихъ границъ, передавъ Кульджу просто, безъ всякихъ условій. Россія на опытѣ знаетъ, какъ опасны уступки, дѣлаемыя азіатскому народу, а въ особенности Китаю, когда можетъ казаться, что онѣ вынуждены какими-нибудь угрозами.—Китай увидѣлъ бы въ этихъ уступкахъ признакъ слабости. Но отъ китайскаго правительства зависитъ изъискать другія гарантіи, кромѣ территоріальной уступки. Русское правительство, конечно, никогда не откажется обсудить эти гарантіи.

Мы окончили свой трудъ. Мы старались изучить съ полнымъ безпристрастіемъ существующій нынѣ порядокъ вещей въ Китаѣ и сношенія этого государства съ Россіей и съ другими державами цивилизованнаго міра. Намъ было невозможно не признать, что правительства Европы и Америки очень виноваты передъ китайской націей. Не желая оскорблять кого бы то ни было, мы должны протестовать противъ торговли опіумомъ,

противъ дѣйствій миссіонеровъ и противъ склонности резидентовъ иностранныхъ колоній смотрѣть на китайцевъ, живущихъ на собственной землѣ, какъ на людей внѣ закона и какъ на смиренныхъ слугъ иностранцевъ.

Такой несправедливый образъ дѣйствій и трактаты, силою навязанные и исполняемые иностранцами, сообразно ихъ прихотямъ, были причиной рѣзни въ Тян-Цзинѣ въ 1871 г., и постоянно глухо волнуютъ всю Срединную имперію. Безпокойство проглядываетъ въ самыхъ высшихъ сферахъ пекинскаго правительства, въ дѣйствіяхъ котораго очень часто пробивается наружу опасная нерѣшительность и такое невниманіе ко всѣмъ христіанскимъ державамъ, что кажется достаточно было бы искры, чтобы произвести страшный взрывъ.

Чѣмъ болѣе намъ представлялось возможности углубиться въ изученіе положенія вещей въ Китаѣ и національнаго характера китайцевъ, тѣмъ скорѣе намъ пришлось убѣдиться въ необходимости существеннаго измѣненія современныхъ сношеній цивилизованнаго міра съ этой страной. Если желательно мирное развитіе этихъ сношеній, то еще недостаточно, чтобы китайское правительство учредило постоянныя миссіи въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; недостаточно также создать международный кодексъ примѣнительно къ процессамъ, ведущимся въ консульскихъ судахъ.

Нужно, чтобы христіанскія державы отказались отъ мысли, что только одна грубая сила въ состояніи убѣдить китайскую націю въ превосходствѣ европейской культуры, чтобы державы всегда памятовали, что въ Китаѣ существуетъ сорокавѣковая цивилизація, существенно отличная отъ культуры христіанскихъ народовъ, но имѣющая, несмотря на то, право на уваженіе, покрайней мѣрѣ въ Китаѣ. Цивилизованные народы не должны никогда упускать изъ виду, что они — непрошенные гости въ Срединной имперіи, что они силою взломали запоры, за которыми китайцы думали сохранить святость своихъ традицій, власть своего правительства, чистоту своихъ обычаевъ и неприкосновенность своихъ національныхъ идеаловъ. Надо же признать, что народъ въ 440 милліоновъ душъ имѣетъ неотъемлемое право жить у себя, какъ ему хочется.

По всѣмъ этимъ различнымъ вопросамъ, дѣйствительно, всѣ христіанскія націи, имѣющія сношенія съ Китаемъ, *солидарны*. Эта солидарность интересовъ состоитъ въ обязанности быть всегда по отношенію къ китайцамъ истинными представителями цивилизаціи высшей, чѣмъ китайская, представителями умственной и нравственной культуры, порождающей болѣе благъ, чѣмъ слѣпое подчиненіе предписаніямъ Конфуція. Съ этой точки зрѣнія, европейскія и американскія правительства не должны были бы никогда покровительствовать дѣйствіямъ, осуждаемымъ нравственностью и справедливостью, ни способствовать нарушеніямъ самыхъ неоспоримыхъ правъ. Пусть эти правительства докажутъ передъ своею совѣстью и человѣчествомъ, что, благопріятствуя торговымъ сношеніямъ съ китайской націей, они не имѣли въ виду, какъ говорилъ лордъ Эльджинъ, предоставить своимъ подданнымъ новые случаи „набить себѣ карманы посреди развалинъ, ими самими нагроможденныхъ или ими открытыхъ". Что касается Россіи, то мы убѣждены, что она будетъ продолжать слѣдовать по пути, избранному два вѣка тому назадъ, по пути искренней дружбы, добраго сосѣдства и сердечнаго согласія по всѣмъ вопросамъ, обѣщающимъ обезпечить миръ между двумя имперіями. Россія не покинетъ этого пути, она не откажется отъ своихъ историческихъ традицій, она никогда не забудетъ своихъ обязанностей по отношенію къ китайскому народу. Но если это окажется необходимымъ, она будетъ защищать свои права и свое достоинство всѣми силами и средствами.

Дозв. цензурою. Спб. 10 Января 1881 г. Типографія И. ГАБЕРМАНА, Малая Мѣщанская, № 7.

